

КОДЕКС ЦЕЛИТЕЛЯ

Анюта Соколова

Анюта Соколова

Кодекс целителя

«Автор»

2024

Соколова А.

Кодекс целителя / А. Соколова — «Автор», 2024

Империя лишила меня родины, дома и близких. В чужой стране мне пришлось пройти через многое. Я не умерла лишь благодаря помощи целителя. Теперь столичный дипломат предлагает мне сопровождать его, чтобы обучать языку. Он молод, привлекателен и откровенно ухаживает за мной. И всё бы хорошо, только его брат смотрит на меня с ненавистью и презрением. Хотя именно он — тот самый целитель, который спас мне жизнь.

© Соколова А., 2024

© Автор, 2024

Анюта Соколова Кодекс целителя

Новая жизнь начинается именно в тот момент, когда для старой внутри больше нет места.

Ошо

Дождь падал откуда-то сбоку, словно хмурое небо вдруг накренилось и вместе с ним покосились старые тополя во дворе, острая крыша дома напротив и узкая мощёная улица за высокой решёткой забора.

– Мей, ты меня слышишь? Арден убит, – требовательно повторила Сogar. – Твой муж мёртв.

Я выпрямилась, отёрла воду со лба и отрешённо посмотрела на громогласную бабищу, словно та была прозрачной и через неё просвечивали дома в серой косой мороси. Моё имя за полгода в Орлисе так никто не выговорил правильно. Впрочем, не особо и пытались.

– Слышу. Их вёзиль попал в засаду бандитов, Ронир и Арден погибли в перестрелке.

Сogar приблизила ко мне своё плоское лицо, похожее на большой белый блин. Все гидарцы поначалу казались мне одинаковыми, огромными, белыми и плосколицыми. Широко расставленные глаза, едва обозначенные светлые брови и ресницы, короткие, вдавленные носы. Арден был точно такой же... был.

– Правильно про вас, киреек, говорят – бездушные деревяшки. Другая бы в рёв, а ты только глазищи вылупила. Хотя бы попрощаться с ним не забудь, бревно бесчувственное! Их тела лежат в доме Собраний, мы своих не бросаем.

А если бы бандиты подстрелили меня, мой труп оставили бы валяться на дороге? Я – не «своя», я чужачка, приبلудыш, кирейская гадюка, бесовское отродье. За прошедшие шесть месяцев я собрала приличную коллекцию эпитетов, которыми меня щедро наградил Орлис. И

это при том, что за эти полгода я выходила из дома от силы десятков раз, и только в компании Ардена.

– Спасибо, лётта Геру́н. Я похороню мужа в соответствии со своей верой.

– Вздумала тоже! Знаю я вашу веру – покойников на кострах жжёте! Тьфу! – Согар презрительно сплюнула на мокрую брусчатку двора, плевков растёкся белой кляксой. – Брось свои кирейские штучки! Завтра с утра служитель Богини проведёт обряд, и тела предадут земле, как положено.

Взгляд суровых светлых глаз остановился на моём огромном животе и потеплел.

– Уйди с дождя, дурёха, простудишься. Не хватало ещё навредить малышу.

Безразлично кивнув, я не двинулась с места. Согар развернулась и зашагала, чеканя шаг. Здоровая, крепкая, плотная, выше меня на голову, а в плечах шире втрое. Истинная гидарка, такая и за себя постоит, и с любой работой шутя справится, и за праздничным застольем любого мужика перепьёт. Грубоватая, но прямая и честная, по сравнению с остальными жительницами Орлиса, она проявляла ко мне неслыханное дружелюбие. Её муж служил в отряде Ардена, и, не сомневаюсь, Согар была наслышана о кирейской жене командира. Тем не менее она со мной разговаривала, а не кривила презрительно толстые губы, как большинство орлиских дам. Не шипела в спину: «ведьма», не пихала локтями якобы нечаянно, сталкиваясь на улице. Я провожала светлую фигуру до тех пор, пока она не завернула за угол, и только после этого вернулась в дом.

В своей комнате я поняла, что насквозь промокла. Сколько я стояла под дождём? Десять, пятнадцать минут? Согар не скупилась на подробности, когда расписывала нападение бандитов на регулярный рейд пограничников. Шерстяная кофта пропиталась водой, тонкая блузка под ней отсырела, с верхнего слоя юбки на пол стекали ручьи. Местная одежда так и не стала для меня привычной. Ранней весной, как сейчас, я предпочла бы обтягивающие лосины, длинную тунику, лёгкое пальто и высокие ботинки. Так одевались на моей родине, которой больше не существовало. В доме Собраний месяц назад повесили новую карту Гидории – Кирея превратилась в провинцию Огорииской империи, Гидару отошла южная часть Северного Предела.

Мокрую одежду я сняла, отжала над раковиной в ванной и повесила сушить. Быстро переоделась в сухое, такую же свободную блузку и длинную юбку. Тяжёлый живот мешал, перетягивал вперёд. По словам лекаря, до родов мне оставалось недели три-четыре. Ребёнок Ардена вёл себя тихо, почти не толкался, словно, подобно мне, не хотел привлекать к себе внимание. Косу я расплетать не стала – просохнет и так, слишком много с ней возни. Когда-то густые золотисто-каштановые волосы ниже пояса были предметом моей гордости, теперь они стали досадным напоминанием о другой жизни. К сожалению, Арден прятал от меня ножницы, впрочем, как и все острые предметы. Наивный... Самое безрассудное, на что бы я решилась, – отрезала бы косу. Даже не потому, что Отрещённый запрещал убивать: вряд ли я смогла бы причинить вред отцу моего ребёнка.

Арден погиб. Новость оглушила. Я не испытывала ни облегчения, ни торжества. Да и с чего бы? Со смертью мужа жизнь для меня менялась в худшую сторону. В Гидаре вдовы не наследовали имущество, оно переходило к ближайшему родственнику мужского пола. У Ардена не было родных, у меня тоже. Значит, Совет управителей Орлиса назначит опекуна и подождёт до рождения ребёнка. Если родится мальчик, собственность отца перейдёт ему, а право распоряжаться наследством он получит только после совершеннолетия, в шестнадцать лет. Девочка же так и останется под опекой до своего замужества, невестой с хорошим приданым. И в том и в другом случае всем будет управлять опекун, а я превращусь в приживалку, которую терпят из милости. Незавидная участь.

Дождь почти перестал, небо заметно побелело. Плотные свинцовые тучи отползли к западу и уступили место более рыхлым и бледным, похожим на грязный пух. По весеннему времени темнело поздно, я вполне могла бы дойти до дома Собраний и вернуться засветло. На

похоронном обряде завтра утром мне лучше не присутствовать – соберётся половина Орлиса, не дай Отрешённый, ненароком толкнут и навредят ребёнку. Не то чтобы я так страстно жаждала попрощаться с Арденом, но, пока я здесь живу, нельзя давать повод ненавидеть меня ещё сильнее. Я надела тёплую кофту, нечто среднее между коротким пальто и жакетом с подкладкой и поспешила вниз.

Спускаться по крутой лестнице в последний месяц стало сложно. Ступенек из-за огромного живота я не видела, цеплялась за скользкий полированный верх перил, поэтому не сразу заметила служанку-катизску. Арден представил её как А́нжи – исковерканное катизское имя Эйнжи. В отсутствие Ардена она приносила мне в комнату подносы с едой и молча мерила меня колючим взглядом карих с зелёными крапинками глаз, напоминавших мне мамины бусы из яшмы. Долгое время я принимала Анжи за немую, пока случайно не услышала её резкий, визгливый голос с характерной картавостью южанок. Полагаю, до моего неожиданного-негаданного появления в доме она была любовницей мужа, во всяком случае, норовила то невзначай прижаться к нему в коридоре, то потереться крутым пышным бедром. Арден молча отшвыривал её прочь, словно надоевшую вещь. Сейчас Анжи с перекошенным от ненависти лицом перегородила мне дорогу.

– Это правда?! – подалась она вперёд.

– Что именно? – переспросила я, тяжело дыша после спуска.

– Что А́ри... Ари убили...

Надо же, оказывается у Ардена было ласковое домашнее имя.

– Да, правда. Они встретили бандитов, вступили в перестрелку. Пуля попала Ардену в глаз, смерть наступила мгновенно.

Жуткие подробности, которые красочно описала Согар, я опустила. Но и этого хватило, чтобы Анжи побледнела, прижала руку к груди и залилась слезами.

– Ари... как же так... что ж теперь...

Вряд ли она ожидала ответ на риторические вопросы, поэтому я осторожно отцепилась от перил и двинулась дальше. Однако Анжи опередила меня – вскинулась и засверкала раскосыми глазами.

– Это всё ты, ты! Гадина, ведьма!

Каким образом, по мнению отставной любовницы, рядовая перестрелка в приграничье связана со мной, я слушать не собиралась. Сделала ещё одну попытку разминуться с загордившейся проход катизской. Безуспешно. Анжи наступала, потрясая маленькими смуглыми кулаками.

– Кирейская гадюка! Влюбила, околдовала! Из-за тебя Ари искал смерти! Мало тебе было забрать его сердце, да?

Я заставила себя отвернуться и смотреть в стену. Говорить что-то в таких случаях бессмысленно, всё равно не услышат. Нужно подождать, пока истерика пройдёт.

– Будь проклята ты и твоё отродье! Мерзкая тощая тварь!

Кулак Анжи врезался мне в бок. Острая боль обожгла и словно подрубила ноги. Я рухнула на колени и чудом не растянулась на полу. Катизска со всей силы пнула по моему животу носком вышитой домашней туфли и, не сомневаюсь, на этом бы не остановилась, но из кухни на шум выглянула пожилая кухарка, А́риса.

– Что ты творишь, дура! Летт Арден тебе голову оторвёт! – Кухарка подскочила к нам и оттащила Анжи в сторону. – С ума сошла?

Анжи на удивление быстро забыла про меня, обвила А́рису руками и жалобно, с подвыванием зарыдала.

– Ари уби-или-и!.. Ари-и-и!..

Перед глазами у меня кружились жёлто-зелёные пятна, внизу живота пульсировала жгучая боль. Встать удалось не сразу. Перила находились далеко, а за стену, обитую шёлком, было

не ухватиться, пальцы соскальзывали. Ариса не пыталась мне помочь, она утешала Анжи, гладила её по голове, словно обиженного ребёнка. Наконец я поднялась на ноги и увидела выражение лица кухарки: Ариса злорадно скалилась.

– Успокойся, Анжи, деточка, милость Богини с тобой. А ведьму кирейскую защищать больше некому, отольются ей твои слёзы... Что пялишься? – грубо бросила она мне. – Ты теперь в этом доме никто. Родишь ребёнка – мы тебя быстро на место поставим. Полы драить будешь, ясно?

У меня хватило выдержки ответить ей холодной усмешкой:

– Ты не Совет управителей города, Ариса. Дом летта Лирина не твоя собственность, чтобы указывать, кому какое в нём место.

Нет, я не надеялась, что управители вступятся. Просто не могла позволить, чтобы меня начали шпынять в первые же минуты после смерти Ардена. Поэтому я загнала боль поглубже и медленно пошла к двери, несмотря на то что хотелось бежать без оглядки и никогда не возвращаться. Слуги меня не любили, я и раньше это знала, но при Ардене они не осмеливались проявлять свою неприязнь открыто. Та же Ариса никогда не поднимала головы и предпочитала помалкивать.

После дождя тёплый весенний воздух напитался влагой. Брусчатка во дворе уже начала подсыхать, зато лужи на улице больше напоминали озёра. У меня не было сил их обходить, и туфли то и дело зачерпывали воду. Боль не унималась, напротив, с каждым шагом разгоралась всё сильнее, словно мой кроткий ребёнок обернулся хищным зверем и рвал меня изнутри клыками. Но я привычно сжала зубы и упрямо брела вперёд. Никто не поверит, что мне плохо, скажут, как Согар, что я бездушная дрянь. Когда я добралась до центральной городской площади, с меня градом лился пот, даже чулки промокли, хорошо, что под двуслойными гидарскими юбками ничего не видно.

Двери в дом Собраний были распахнуты настежь и подпёрты стульями. В нижнем зале, где обычно проходили открытые заседания Совета управителей, собралось неожиданно много народа. Мебель сдвинули к стенам, два стола поставили в центре и застелили белой траурной тканью. Поверх водрузили тела погибших, в пальцы скрещённых на груди рук вложили статуэтки Богини. Ронира я хорошо помнила ещё с приграничья, крупный рослый мужчина, но по сравнению с моим мужем он казался недомерком. Великанское тело Ардена Лирин ел уместилось на широком и длинном столе. Лобастая голова, бычья шея, руки вдвое толще моей ноги и ноги размером с бревно, даже одежда не скрывала рельефные мускулы. Кровь с бледного лица тщательно вытерли, веки опустили, и Арден выглядел так, словно просто прилёг отдохнуть и уснул.

Несмотря ни на что, я не желала ему зла и давно подавила ненависть. Пусть Отрешённый судит, куда отправить его мятущуюся душу – на Небеса или в Бездну. Пытаясь не думать о собственной боли, я читала молитву по усопшим и старалась не шевелить губами – вдруг решат, что я призываю бесов. Во всей Гидории одна Кирея по-прежнему чтит древнего Бога. Мир уже несколько веков поклонялся юной Богине, покойников не сжигали, а закапывали в землю. Новая вера учила, что однажды души умерших вернутся из Небесных Чертогов и мёртвые воскреснут.

– Ты глянь-ка, приползла, змеюка! – услышала я за спиной громкий шёпот.

– Ни слезинки! Верно говорят – у киреек вместо сердца камень!

– Ведьма! Не иначе, наколдовала Ардену смерть!

Оглядываться не стала. Какой смысл? С первого дня в Орлисе из меня сделали ведьму, а чувства Ардена приписали колдовству. Нет, Гидар не повторял имперский бред о попрании истинной веры и опасной ереси. Люди на севере были достаточно разумны и понимали, что громкими лозунгами Огория прикрыла захват крошечной мирной страны. Стремительно развивающейся империи стало тесно между непроходимыми горами на востоке, песками Катиза

и Нейсским морем. Кирею завоевали за несколько дней – нам нечего было противопоставить огромной армии и знаменитому гидарскому огню. Только отношение ко мне не имело ничего общего ни с войной, ни с верой.

Высокая грузная летта в белом окинула меня цепким, презрительным взглядом.

– Летта Лирин, почему вы не в трауре? – строго произнесла она.

– У меня нет траурной одежды.

Собственный голос прозвучал жалко и сдавленно. Сказать ей правду – что все вещи покупал мне Арден, а он не думал о собственной скоропостижной кончине? Боль становилась всё сильнее. Она переместилась в низ живота и скручивала внутренности в плотный, горячий узел. Схватки?

– Вы позорите память вашего мужа, – подхватила полная летта в расшитой бисером белой кофте. – Летт Лирин великодушно сделал из вас честную женщину, а вы платите ему неуважением!

Честную женщину?.. Я закусила губу – и для того, чтобы не наговорить лишнего, и чтобы справиться с болью. С каждой минутой стоять становилось труднее. По ногам что-то потекло, похоже, отходят воды. Получается, я всё же рожаю. Но почему же боль не отпускает ни на секунду, разве так должно быть?

– Что вы с ней разговариваете, летта Ромёр, – сквозь зубы процедила старуха с волосатой бородавкой на расплюсненном носу. – У неё нет души, она отдала её, чтобы обрести свою бесовскую красоту.

Дикая боль мешала мне сосредоточиться и что-либо ответить. Я переступила с ноги на ногу, беспомощно огляделась в поисках того, за что можно было бы ухватиться, и неуверенно шагнула к стене. Тут же раздался истошный визг.

– Кровь! Из неё течёт кровь!

На том месте, где я стояла, образовалась тёмная, мерзко пахнущая лужа. Это точно неправильно... Вида крови я не переносила и зажмурилась, но меня всё равно затошнило.

– Ведьма рожает!

– Лекаря! Позовите лекаря!

Какая-то рослая женщина вцепилась в мой локоть и потащила к выходу.

– Давай, дурёха, иди, пока ноги держат! Здесь недалеко. Да помогите же кто-нибудь!

С другой стороны меня подхватила та самая летта в кофте с бисером. Я послушно сделала шаг – и вдруг сорвалась куда-то в спасительную темноту.

***

Шурх-шурх.

Странные еле слышные шорохи будоражили, мешали наслаждаться покоем. Пришлось открыть глаза. Приятный полумрак, ровные квадраты деревянных панелей на потолке. Растительный орнамент по краям и стилизованная роза посередине, на лепестках которой красиво играли блики света.

Шурх-шурх-шурх.

Я попробовала пошевелиться. От жгучей боли осталось лишь вполне терпимое тянущее ощущение внизу живота. Голова слегка кружилась, в остальном я чувствовала себя сносно. Лежала на чём-то мягком под тонким одеялом и даже была переодета в сорочку с длинным рукавом. Несмотря на слабость, я приподнялась на локте и огляделась. Незнакомая богато убранная комната, дорогая мебель, плотно задёрнутые портьеры на окнах, благородный блеск парчовой ткани. В кресле вполоборота ко мне сидел человек, неяркое сияние лампы обрисовывало узкое плечо и прядь белых волос. Видимо, какие-то его действия и издавали эти тихие звуки.

Резко вернулись воспоминания. Очень осторожно я нащупала живот. Опавший и мягкий. Я родила? Но где тогда ребёнок? Мои движения не прошли незамеченными – человек повернулся.

– Лежите смирно, летта.

Неприятнь в его голосе царапнула, но не удержала от вопроса:

– Что с моим ребёнком?

– Умер, – прозвучал сухой ответ. – Вы тоже находились на грани, летта.

Не показалось – ни капли теплоты или сочувствия.

– Где я?

– В доме летта Гивора.

– Давно я здесь?

– Второй час.

Он поднялся и отложил в сторону книгу, которую читал. Получается, я слышала шелест переворачиваемых страниц. Бесшумно подошёл ко мне. На лоб легла рука – такая же холодная, как и его тон.

– Вам нужен покой. Спите.

Хотелось возмутиться, но глаза закрылись сами собой.

***

Второе пробуждение произошло намного будничнее.

– Мей! – заорала под ухом Согар. – Мей, ты живая?

На этот раз у меня получилось сесть. Я находилась всё в той же комнате, только теперь портьеры раздвинули, и в окна беспрепятственно вливались потоки яркого солнца.

– Слава Богине, – выдохнула Согар. – Оклемалась. Ты соображаешь али как?

Во рту пересохло, и я хрипло выдавила:

– Соображаю.

– Летта Герун, вы не слишком торопитесь? – прозвучал мягкий бархатный голос. – Юная летта едва не вознеслась в Небесные Чертоги. Стоит ли её тревожить?

Я отыскала взглядом источник голоса, и дыхание сбилось. Внушительная фигура Согар заслоняла невероятно красивого молодого мужчину. Такой же светлокожий блондин, как все гитарцы, в отличие от остальных он не выглядел ни плоским, ни бесцветным. Безупречно правильные черты, ровные дуги бровей, прозрачные тёплые серо-голубые глаза в обрамлении пушистых золотистых ресниц, яркие выразительные губы и доброжелательная улыбка.

– Доброго дня, летта Лирин. Меня зовут Ирвин Гирёл. Как вы себя чувствуете?

Он слегка растягивал гласные и приглушал «эр» – или уроженец Рексбра, или долго жил в столице. В пользу этого свидетельствовала и причёска: в приграничье стриглись коротко, а блестящие волнистые волосы Гирела свободно спадали на плечи.

– Благодарю вас, очень хорошо.

Гирел просиял.

– Да, Тэйт творит чудеса. Вытаскивает людей из Чертогов и Бездны! Ни о чём не беспокойтесь, летта, поправляйтесь, набирайтесь сил. Вы моя гостья. Ванная комната прямо напротив спальни, там же уборная. Звонок для вызова слуг рядом с дверью. Если что-нибудь понадобится, они к вашим услугам. Пока я оставляю вас с леттой Герун, но попозже обязательно ещё загляну.

С его уходом в комнате словно потемнело.

– Ишь какой! – одобрительно выдохнула вслед Гирелу Согар. – Столичная штучка, не чета нашим воякам. Ты обязана ему жизнью, Мей. Хотя не знаю, может, тебе лучше б было помереть, – грубовато добавила она.

Уточнять: «Почему?» – я не стала, вместо этого спросила:

– Как я очутилась в этом доме?

– Тебя беспамятную принёс целитель. Они с леттом Гирелом приехали вчера в Орлис и остановились у летта Гивора... Мей, дурёха, что ж ты не уберегла дитя! Ведь это твой ребёнок, кровиночка! Ладно, мужа ты не любила, а деточка-то в чём виновата?

Ни в чём. Именно это я повторяла про себя последние полгода, потому и терпела, и старалась загасить ненависть к Ардену. К счастью, Согар не ждала от меня ответа.

– Утром совещались управители. Ты – законная жена Ардена, но прав на наследство не имеешь, и родственников у тебя нет. Родила бы ребёночка, тогда другое дело, могла бы остаться при нём, а так, считай что ты никто. Решили выделить тебе пособие, чтобы ты могла вернуться домой.

– Домой? – усмехнулась я.

Если верить газетам, на завоёванных землях имперцы успешно насаждали свои порядки. Мой родной Лиобрр, столица Киреи, ныне являлся центром Кирейской провинции Огории. В империи меня ожидала лишь одна участь – рабство, причём в буквальном смысле этого слова. Мне некуда было возвращаться – моего дома не стало.

– Я принесла твои вещи, – Согар указала пальцем куда-то за спину. – С боем отобрала у жадных баб, прости их Богиня. Вцепились, что клещи в собачий бок, тьфу! – она огляделась и не решилась сплюнуть. – Повезло, что летт Гирел тебя приютил, иначе тебе и перебиться было бы негде. Дом Ардена перешёл городу, завтра на торги выставят.

Она внимательно осмотрела меня.

– словно и не помирала вчера, румянец, вон, во всю щёку. Целители своё дело знают. Коли ты не собираешься возвращаться на родину, всё равно уезжай из Орлиса. В содержанки ты не пойдёшь, больно гордая, а приличной работы тебе здесь не дадут. Анжи и вовсе со свету сживёт. Вот в других городах ты вполне можешь устроиться, где силы особой не требуется. Продавщицей в магазин, разносчицей в ресторан, на крайний случай прислужгой.

С трудом подавила невольный протест. Служанка, конечно, лучше, чем рабыня, и не в моём положении быть разборчивой, только внутри всё переворачивалось от одной мысли. Да и смогу ли я прислуживать? Попробовать перебраться в Нейсс? Там женщине легче получить работу, да и до границы с королевством отсюда недалеко.

– Благодарю за совет, летта Герун.

Согар сердито фыркнула.

– Вот же чванство кирейское! Не будь ты такой, и в Орлисе бы прижилась. Ты же нос задираешь, словно Богиня! Арден тебе нехорош, все тебя недостойны. А сама-то? Только и есть, что красивое личико да глаза ведьмовские, мужиков с ума сводить. Ничего не умеешь, ни к чему не приспособлена. Как теперь жить будешь, дурочка, – без мужа, без дома, без денег? Надо же умудриться так упасть, чтобы ребёночка в утробе убить!

Негодование перевесило здравый смысл.

– Я не падала. Анжи ударила меня кулаком в бок.

– Ври давай, – поморщилась Согар. – Анжи и Ариса сказали, ты спешила, под ноги не смотрела и грохнулась с лестницы. Их двое, ты одна.

Она была права. Мне никто не поверит, даже если я пойду к управителям и заявлю о нападении. Ударь меня Анжи в живот ножом – тогда бы катизска не отвертелась. В Гидаре строгие законы, за попытку причинить вред беременной сажают в тюрьму. С другой стороны, кто помешает Анжи заявить, что я сама пыталась избавиться от ребёнка? Ариса поддакнет, и накажут уже меня.

– Летта Герун, ещё раз благодарю вас.

Для воспитанных людей это означало: «Всего доброго, ваш визит подошёл к концу». Согар лишь хмыкнула.

– Ты погоди меня выпроваживать. Слушай, Мей, что я тебе скажу. Летт Гирел – представитель от Совета управителей Гидара, он с проверкой объезжает приграничье. Этот целитель, что спас тебе жизнь, вроде как с ним. Ох и тип! Языкатый, словно бесова тёща! Лекаря, у которого ты кровью истекала, обложил так, что наши мужики присвистнули! А потом тебя на руках до самого дома нёс, хотя самого соплёй зашибить можно... Ладно, не о том речь. Похоже, летта Гирела ты необычной красотой зацепила, раз до сих пор в мягкой постели нежишься. Так и не разочаровывай его, пусти в ход своё колдовство, хе-хе. Глядишь, Гирел тебя с собой в Рексор заберёт, ничего и придумывать не придётся.

Я содрогнулась. Мне прямым образом намекали, что лучшее будущее для меня – стать любовницей влиятельного столичного летта. Отрешённый, за что?! Не было сил ни плакать, ни спорить, я просто откинулась на подушку и прикрыла веки.

– Летта Герун, кажется, вы утомили больную, – раздался сухой негромкий голос. – Я вас провожу.

Человек с книгой, судя по всему, – тот самый целитель, которому я обязана жизнью.

– Не слепая и не убогая, дорогу найду, – отрезала Согар. – Отдыхай, Мей.

Едва её тяжёлые шаги стихли, я перестала притворяться. Целитель стоял со сложенными на груди руками и беззастенчиво меня разглядывал. Слишком юный, и выглядел бы ещё моложе, если бы не суровое, надменное выражение лица. В тёмных глазах отчётливо читалось презрение, тонкие губы досадливо кривились. Так смотрят на раздавленную крысу, прежде чем выбросить.

– Добрый день, летта, – спокойный холодный тон противоречил взгляду. – Мне нужно вас осмотреть.

Представляться он не собирался. Закатал рукава белоснежной шелковой рубашки, размял длинные изящные пальцы. От гитарца в нём были лишь волосы – густые, светло-пепельные, стянутые в небрежный хвост. Остальное – хрупкое сложение, смуглая кожа, острые скулы, резкие черты – выдавало кровь Нейсса. К полукровкам, как ни странно, Гидар относился благосклонно, ни в чём не ограничивая в правах. К тому же целителей слишком ценили, считая отмеченных этим редким даром избранниками Богини.

– Добрый день, летт. Это... обязательно?

Сознавать, что он будет касаться моего тела в интимных местах, было невыносимо. Кто угодно, только не он, не с этой брезгливой гримасой.

– Я тратил на вас время не для того, чтобы вы умерли от осложнений. – Он стянул одеяло и задрал сорочку.

Его руки лишь выглядели хилыми, сила, с которой он раздвинул мои бёдра, поразила меня. Я сжалась, ожидая боли. Но прикосновения пальцев оказались лёгкими, почти ласковыми. На осмотр он потратил менее пяти минут.

– Сегодня вам придётся лежать. Не пейте много – часто вставать по нужде нежелательно. Есть исключительно жидкое... Впрочем, я сам дам указания.

Целитель развернулся и пошёл к двери. Я поспешно одёрнула сорочку и окликнула его:

– Летт!

Он повернул голову – медленно, словно нехотя.

– Позвольте поблагодарить вас за то, что...

– Свою благодарность можете высказать Ирвину – я выполнял его просьбу, – грубо перебил меня целитель. – Мне вы ничего не должны.

Нарочито громкий хлопок двери отозвался горечью. До этого дня я была уверена, что все целители – особенные, милосердные, великодушные люди. Ведь Богиня избрала их, чтобы облегчать человеческие страдания.

Кажется, я ошибалась.

***

Как бы целитель ко мне ни относился, распорядиться о еде он не забыл. Минут через десять служанка в жёстком накрахмаленном фартуке принесла поднос с едой – жидкий суп-пюре и кувшин с морсом. При этом она смотрела на меня с такой ненавистью, что я всерьёз забеспокоилась – не плюнула ли она мне в тарелку.

– Летт Тэйт приказал проследить, чтобы вы поели, – ледяным тоном произнесла служанка.

Тэйт. Гирел тоже упоминал это имя – странное и для гитарца, и для нейсса. Значит, так зовут целителя. Служанка поставила поднос на стул рядом с кроватью, отошла к окну, скрестила руки и впилась взглядом похлеще портновской булавки. Неприятно, но не более того.

– Спасибо, летта.

Только сейчас я поняла, насколько голодна. С удовольствием проглотила бы две таких порции и не отказалась бы от ломтя хлеба, но попросить добавки постеснялась. Служанка

забрала пустую тарелку, оставила кувшин и стакан и удалилась с видом оскорблённой добродетели. Тяжёлый, полный до краёв кувшин мне поднять не удалось – мелкая, однако жестокая месть. Очень хотелось пить, и смотреть на морс, до которого я не в состоянии дотянуться, было невыносимым.

Раздался негромкий стук в дверь, и в комнату вошёл Гирел. Невольно я залюбовалась идеальной фигурой. Все ранее виденные мною гидарцы были как на подбор: мощные, рослые, плотные, с впечатляющей мускулатурой. Возможно, это объяснялось тем, что Орлис располагался в приграничье, а в приграничных городах большинство жителей – солдаты. Гирел при высоком росте сохранил грацию и изящество, сшитый по фигуре тёмно-синий костюм подчёркивал узкую талию и прекрасную осанку. Очаровательная улыбка оживляла совершенные черты лица.

– Летта Лирин, не помешаю?

– Никоим образом.

Гирел заулыбался ещё ослепительнее. Бросил взгляд на полный кувшин, пустой стакан, наполнил стакан морсом и подал мне.

– Благодарю вас, летт Гирел.

Заставила себя выпить морс не залпом, а маленькими глоточками. Вспомнились правила хорошего тона, вспыхнуло запоздалое смущение за то, что я в одной сорочке с чужого плеча. К тому же наверняка похожа на чучело – неумытая и с растрёпанной косой.

– Могу я присесть?

– Разумеется, летт Гирел.

– Я был бы крайне признателен, если вы станете звать меня по имени – Ирвин. И без всякого стеснения будете обращаться с просьбами, – мягкий, мелодичный голос обволакивал, словно пуховое одеяло. – Насколько я понял, у вас нет близких людей в Орлисе.

– Это очень великодушно с вашей стороны, летт Ирвин.

– Просто Ирвин, а то я начинаю чувствовать себя дряхлым старцем.

– Тогда тоже прошу вас: не летта Лирин, а Мэй. – Собственное имя отозвалось тоской по утерянному прошлому. – До замужества Мэйлин Луэерр.

– Мэй, – он повторил почти правильно, немало меня удивив. Обычно гидарцы смягчали гласные до привычного им «е». – Вы из центральной части Киреи?

– Из Лиорра.

Какой светский диалог. Главное – сдержаться и не добавить, что мой родной город, столицу Киреи, сожгли стихийники Гидара, и именно эта страшная демонстрация силы позволила Огории завоевать нашу страну без единого выстрела. Пусть кто-то считает такую войну гуманной и оправдывает Гидар выполнением условий договора с империей. Я не могу с ними согласиться. Не их семья сгорела в том огне.

Ирвин почувствовал перепад моего настроения и сменил тему.

– Вы прекрасно говорите по-гидарски, Мэй. Совсем без акцента.

– У меня была большая практика, к тому же ваш язык, в отличие от нейсского, достаточно простой, – заметила я.

Он изумился:

– Неужели вы знаете нейсский?

– Моим учителем был уроженец Скеლობса, – ответила я по-нейски.

– Увы, мой нейсский не настолько хорош, – развёл руками Ирвин. – Зато я неплохо говорю по-огорийски, – произнёс он на языке империи.

– У вас отличное произношение, – я тоже перешла на огорийский.

– Я два года жил в Северном Пределе. – В прозрачных глазах загорелся интерес. – А какие ещё языки вы знаете?

– Катизский и диалект предгорий.

– То есть, все существующие в мире? Невероятно! Вы учили языки с какой-то целью?

– Отец, – слово далось с трудом, – торговал со всеми государствами, даже с мятежными княжествами. Предполагалось, что я стану ему помогать.

– Очень дальновидно, – похвалил Ирвин и подлил морс в стакан. – Отдыхайте, Мэй, и ни о чём не беспокойтесь. Тэйт сказал, вы отлично восстанавливаетесь.

Упоминание о целителе заставило меня вздрогнуть. К счастью, Ирвин этого не заметил, солнечно улыбнулся на прощание и вышел. Я почувствовала, что устала. Доброжелательный, воспитанный, привлекательный, Ирвин Гирел всё равно невольно напомнил мне о том, что именно Гидар помог империи разрушить мою жизнь. Жизнь, о которой сохранились лишь воспоминания.

***

Внутренний садик в центре дома вечером превращался в излюбленное место отдыха для всей семьи. Посреди миниатюрного пруда из живописной горки камней бил маленький фонтан, цитрусовые деревья давали приятную полутень. За мной прислал отец, и я не ожидала застать здесь брата. Даже не знала, что Лайден вернулся! Он вскочил и нежно поцеловал меня.

– Мэй, малышка, чудесно выглядишь!

– Спасибо, ты тоже, – я оглядела безупречно выбритое загорелое лицо. Какой всё-таки Лайд красивый! Неудивительно, что в него влюблены все мои подруги без исключения. – Поездка удалась?

– Да, всё прошло отлично... Присядь, Мэй. Нам с папой нужно с тобой серьёзно поговорить.

Нетерпеливо дёрнула плечом, но послушно присела. Неторопливо журчала струйка воды в фонтане, солнце падало сквозь листву кружевной сетью. Серьёзно поговорить – это о чём? Неужели Кэйл сдержал слово и посватался? Вот дурак! Я же шутила!

– Доченька, пожалуйста, выполни мою просьбу, – заговорил отец. – Собери необходимые вещи и поезжай в Куáрр к тёте Суáлин.

– Зачем? – опешила я.

– В связи с возникшими обстоятельствами я предпочёл бы, чтобы ты находилась там, а не в столице.

Я перевела недоумевающий взгляд на Лайда.

– Видишь ли, малышка, мне сильно не понравилось то, что сейчас происходит на нашей границе с Огорией. – Брат улыбнулся, но улыбка вышла грустной. – Я своими глазами видел там гидарские лагеря.

– Так ведь учения же! Совместные, в газетах писали. «Укрепление и продвижение регионального взаимодействия», – скривилась я. – Не хочу в Куáрр! Там осенью скучища страшная, из друзей никого, тётя начнёт приставать со своим вязанием... Не поеду!

Отец вздохнул.

– Девочка моя, лучше ты немного поскучаешь, чем подозрения Лайда оправдаются, а уже ничего не исправишь. Кирея слишком маленькая страна, чтобы дать отпор империи. Ты же учила новейшую историю. Столицу захватывают первую, здесь правительство, банки, связь, ключевые транспортные узлы. Если Огория нападёт, мы не продержимся и дня.

– Захватывают? – повторила я. – Папа, ты имеешь в виду войну? Да это же чушь! У нас с империей сто лет как мирный договор подписан!

– Вот именно, что сто лет, – усмехнулся Лайден. – Тогда Огорийская империя была всего лишь маленькой республикой на востоке. Потом она завоевала Керóн и Дарóс, заключила союз с Гидаром и отхватила половину Катиза. Нам нечего противопоставить огромной имперской армии, закалённой непрерывными войнами, не говоря уже о силе стихийников Гидара. Мэй, я

видел гидарский огонь в действии. Это жуткая штука. После него не остаётся ничего живого – даже кости распадаются за секунды. Представь, что произойдёт с Лиорром. Отправляйся к тёте, малышка.

Растерянно посмотрела на него, на отца.

– Папа, Лайд... Но если всё так ужасно, нужно рассказать правительству!

Брат сухо рассмеялся.

– Я добился, чтобы меня приняли. И даже выслушали, в знак уважения к древности рода и заслугам деда. На этом всё, Мэй. В очень вежливой форме мне дали понять, что Торговый Дом Луерр сеет напрасную панику. И ещё более вежливо посоветовали молчать, иначе Торговая Палата заинтересуется нашими частыми разъездами по всему миру. Проще говоря, мне заткнули рот.

– Лайд! – предупреждающе одёрнул его отец.

– Нет, папа, я скажу! Мэй должна это знать. Мирный договор заключён девяносто семь лет назад, имперцы им просто подотрутся! Мы на пороге войны, в которой у нас нет ни единого шанса. Кирея слабая, незащищенная сельскохозяйственная страна, наша религия запрещает нам убивать, наша служба правоохраны не в состоянии даже контролировать бандитские нападения на севере. Странно, как мы до сих пор сохраняем самостоятельность! За это надо благодарить то, что с одной стороны нас защищает море, с другой – горы, а с третьей до недавнего времени прикрывал Дарос, который империя уже проглотила! Девять десятых жителей Киреи – мирные фермеры. У нас всего несколько крупных городов, где сосредоточены все государственные структуры. Ударь по Лиорру – мы тут же поднимем лапки вверх! А правительство волнует упаднические настроения среди населения!

Лайден справился с волнением и продолжил:

– Понятно, что армию, способную отразить натиск огорийцев, нам не собрать. Но мы могли бы попытаться договориться с тем же Гидаром. Отдать им нашу часть Северного Предела.

Я в ужасе ахнула. То, что говорил брат, считалось изменой и позором. За подобные слова могли выслать из столицы, а то и похуже.

– Не пугайся, малышка. Так думаю не я один, но, к сожалению, правительство предпочитает прятать голову под крыло. Поэтому мы рассматриваем худший вариант. Ты поедешь в Куарр немедленно, папа с мамой отправятся завтра утром.

– А ты?

– Улажу кое-какие дела и присоединюсь к вам, – брат подмигнул мне. – Не переживай, станем скучать вместе. Передай тёте Суалин моё почтение и постарайся с ней не ругаться. Помни про её больное сердце. Восемьдесят семь лет – это не твои восемнадцать, малышка.

Лайден обнял меня, звонко чмокнул в макушку.

– Иди, собирайся. Гирейн отвезёт тебя. Много вещей не бери. Вдруг я ошибаюсь и это будет просто скучная осень.

Как бы я хотела, чтобы брат ошибся! И ещё больше – вернуться в тот день, в тот сад и уговорить его и родителей уехать со мной! Но тогда я и подумать не могла, что расстроившие меня слова о войне так скоро и так страшно сбываются.

***

После еды меня неодолимо потянуло в сон. Остаток дня и ночь я сладко проспала, зато рано утром проснулась с необыкновенным ощущением лёгкости. Не задумываясь встала с кровати – естественные потребности давали о себе знать. В ванной комнате висело поясное зеркало: я недоверчиво оглядела себя. Согар не соврала, у моего отражения был поистине цветущий вид. На животе не осталось ни одной растяжки, как будто я не носила ребёнка восемь

месяцев. Ровная, сияющая кожа, подтянутая девичья фигура, небольшая упругая грудь. Моё тело стало точно таким, каким было до беременности.

Могущество целителя поражало. Конечно, я и раньше слышала о целителях Гидара, в Кирее им посвящали статьи в журналах и целые новостные выпуски. Но одно дело газеты и слухи, и совсем другое – убедиться воочию, на своём примере. Целители не являлись лекарями в распространённом смысле этого слова, они могли не знать анатомии и не разбираться в лекарствах и травах. Зато они обладали немислимой силой: прикосновением руки целитель лечил болезни и увечья, возвращал зрение и слух, убирал уродства, продлевал жизнь и влиял на растения. В Гидаре существовала поговорка, что палка, воткнутая в землю избранником Богини, даст корни и прорастёт.

Было и то, о чём не писали в газетах и не говорили открыто. Из шепотков слуг в доме Ардена я знала, что лёгким касанием той же руки целитель мог убить или ослепить, за минуты заставить дерево высохнуть и навсегда лишить землю плодородия. Обратная, тёмная сторона дара. Мне повезло познакомиться со светлой стороной. Пусть Тэйт за что-то меня невзлюбил, о моём теле он позаботился превосходно.

Первым делом я разобрала вещи, принесённые Согар. Конечно, там оказалось далеко не всё. Отсутствовали подаренные Арденом украшения и самые дорогие наряды, те, что муж купил в первые месяцы нашего брака, когда живот ещё не портил фигуру. Я пожелала Анжи носить их с удовольствием. Достаточно и остального, даже с учётом того, что две трети блузок и кофты теперь болтались на мне, словно на вешалке. С гидарскими необъятными юбками повезло больше: они шились со шнуровкой на поясе и с равным успехом садились и на меня, и на Согар. Разница лишь в том, что в юбке летты Герун я утонула бы с головой, а моя не прикрыла бы рослой гидарке икры. За сохранность обуви я поблагодарила маму, от которой унаследовала почти кукольный размер ноги. Мои туфли и ботинки не налезли бы Анжи даже на кончики пальцев. Бельём и чулками катизска побрезговала. Мелочи Согар засунула в отдельный мешочек – расчёски, щётки, заколки, шпильки, ленты.

Я снова всё сложила, оставила только то, что собиралась надеть. Затем вернулась в ванную, проверила исправность задвижки на двери и с наслаждением вымылась. Крови на теле не было, кто-то её отгёр. Надеюсь, целитель не занимался этим лично, а поручил служанкам. И без того запоздалым стыдом колола мысль, что он видел меня в самый неприглядный момент родов. Волосы пришлось промывать долго и тщательно. Одеюсь тут же, перебежать коридор в одном полотенце побоялась. Сорочку отправила в короб для грязного белья. Задерживаться в доме летта Гивора я не предполагала и пользоваться благосклонностью столичного летта не собиралась. Согар упомянула причитающуюся мне денежную сумму, значит, придётся идти на поклон к управителям. Заодно задать вопрос про документы: перед бракосочетанием Арден должен был сделать мне какое-то удостоверение личности. Раньше меня это не волновало, но это раньше, когда мой мир ограничивался домом мужа. А по сути – одной спальней, где я провела последние полгода.

Появилось чувство, что все эти месяцы я спала и резко проснулась. Только теперь я начала осознавать, что Ардена нет. Больше меня никто не держит в Орлисе, не ограничивает в передвижениях и, если я покину город, то не поймает и не запрет. В комнату я вошла решительная и сосредоточенная. Восемь месяцев одиночества и безысходности приучили чётко планировать все поступки. Сначала найти и поблагодарить Ирвина. Потом неприятный разговор с Управителями и документы. После...

– Разве я разрешал вам вставать, летта? – болезненно хлестнул голос Тэйта.

Целитель сидел в кресле у стола, в той же или точно такой белоснежной рубашке, отчего его кожа выглядела слишком темной. И без того тонкие губы зло сжались и превратились в кривую линию. Здороваться он считал излишним.

– Доброе утро, летт Тэйт. Вы велели лежать вчера. Сегодня это... сегодня, – глупо закончила я.

– Разденьтесь и сядьте на кровать.

Он поднялся и оказался довольно высоким. Не таким, конечно, как Арден или Ирвин, но выше меня на голову. Я послушалась, опасаясь злить его сильнее, и осталась в одном белье и чулках. Уверенные руки бесцеремонно ошупали меня, промяли живот.

– Вы здоровы. Можете одеваться.

Тэйт начал оправлять засученные рукава рубашки и застёгивать манжеты. Рваные движения пальцев противоречили застывшему телу. От целителя исходила неприязнь, настолько явная, что ещё чуть-чуть – и она станет зримой.

– Это вам пригодится, – он поставил на стол крошечный пузырёк. – Две капли на столовую ложку, каждый день, в одно и то же время. В ближайшие полгода вам нежелательно беременеть, лишняя нагрузка на организм.

Сначала я не поняла, о чём он. Затем вспыхнула.

– За кого вы меня принимаете, летт? За шлюху?!

– Нет. – Тёмные глаза презрительно сощурились. – В отличие от вас, шлюхи честно отрабатывают свои деньги.

Я забыла о том, что полураздета, и вскочила. Ладонь сама описала широкий полукруг и звонко впечаталась в щеку наглеца.

– Убирайтесь! И больше не смейте ко мне прикасаться!

Тэйт отступил на шаг, развернулся и вышел.

От гнева я дрожала и была вынуждена опять сесть. Уткнула лицо в ладони. Отрешённый, неужели ты решил, что мне мало потерять родину, дом, семью? Нужно отнять ещё и честь? Скажи мне, всевидящий, что в моём поведении натолкнуло Тэйта на эту мысль? Расчётливые слова Согар? То, что бессознательную меня приютил влиятельный летт? Или добродетельные дамы Орлиса уже пересказали целителю сплетни о кирейской гадюке?

Если б не мокрые волосы, я сбежала бы прямо сейчас. Но ранняя весна – это не лето, а чудом избежать смерти, чтобы затем простыть и свалиться в горячке – глупо. Среди сотен бредовых слухов о кирейках есть и правдивые, даже в ярости мы не теряем способность хладнокровно рассуждать. Я постаралась взять себя в руки. Преодолела гадливость и смахнула в мусорное ведро пузырёк с противозачаточными каплями, дотрагиваться до него было противно. Вновь оделась, расчесалась и заплела ещё влажные волосы в косу. Хотела идти искать Ирвина, но через несколько минут он сам постучал в дверь. В комнату проходить не стал, напротив, галантно предложил руку.

– Доброе утро, Мэй! Тэйт только что обрадовал меня тем, что вы окончательно поправились. Могу я пригласить вас позавтракать со мной?

При упоминании целителя пришлось закусить губу, чтобы не выдать своих чувств. Первым порывом было немедленно поблагодарить за заботу и распрощаться. Но желудок недвусмысленно напомнил, что одна тарелка супа раз в два дня – это не еда, и, увы, голод оказался сильнее гордости. От приличного состояния Ардена мне пока не досталось ни монетки, и вряд ли кто-нибудь ещё в городе пожелал бы накормить меня бесплатно.

– Доброе утро, Ирвин. С большим удовольствием.

– Вы прекрасно выглядите, – польстил мне он. – Я никогда не видел такого необыкновенного цвета глаз. Словно северное сияние над вечными льдами – все оттенки синего, голубого и бирюзы.

Вежливо улыбнулась. За последние месяцы я отвыкла от комплиментов, хотя когда-то воспринимала их как нечто само собой разумеющееся. С чем только не сравнивали мои глаза! С морскими волнами, драгоценными камнями, перьями редких птиц, крыльями тропических бабочек... Синие глаза отца и зелёные – матери – наградили нас с братом уникальным, пере-

ливчатым, меняющимся цветом радужек. Это стало ещё одной причиной, почему в Орлисе меня называли ведьмой.

Под руку с Ирвином я вышла в коридор и с любопытством поглядывала по сторонам. Дом летта Гивора по праву считался одним из лучших домов города. Дёнир Гивор возглавлял Совет управителей Орлиса, Арден мельком упоминал, что он владеет всей землёй отсюда и до Кагара. Неудивительно, что столичный представитель остановился именно у него, и мне посчастливилось оценить особняк изнутри. Холодный климат Гидара оказал влияние и на архитектуру. Здешние здания отличали толстые стены, и, как следствие, – небольшие окна с широкими подоконниками, и полное отсутствие привычных мне террас или веранд. А ведь это приграничье, юг страны, что же творится на севере! На полу в коридоре лежал пёстрый катизский ковёр, стены и потолок были обшиты деревянными резными панно. Утреннее солнце било в окна, но я заметила множество светильников с гидарским огнём: в спящем состоянии они напоминали мутные стеклянные шары. Комната, куда меня привёл Ирвин, судя по скромным размерам, являлась гостиной, а не столовой. На небольшом столике был сервирован завтрак на двоих – бекон, омлет, гренки и чай.

– Прошу вас, – Ирвин любезно выдвинул стул. – Позвольте поухаживать за вами?

Когда ты с рождения привыкла к тому, что вокруг тебя воспитанные люди, которые оказывают всяческие знаки внимания, придерживают дверь, пропускают вперёд, подают руку, очень трудно потом смириться с грубостью и невежеством. Восемь месяцев вне дома стали для меня тяжёлым испытанием, и от поступка Ирвина я чуть не расплакалась.

– Благодарю.

Ирвину явно не впервой было ухаживать за девушками, настолько ловко он наполнил мою тарелку и разлил чай по чашкам.

– За время этой поездки я совершенно одичал, – тем не менее пожаловался он. – Жители приграничья, несомненно, обладают множеством достоинств, но манеры, похоже, переняли от соседей-бандитов. Правда-правда, Мэй, не смейтесь! Светские беседы за чаем они и вовсе считают занятием для столичных бездельников. Мне кажется, изо всех слов у меня в голове остались одни казённые фразы и административные циркуляры. А с Тэйтом не особо-то поболтаешь.

– Почему? – сорвалось у меня.

– О! – заулыбался Ирвин. – Тэйт – это Тэйт. Он любит строить из себя такого мрачного нелюдимого типа, который выше всяких условностей. Разговоров ради разговоров он терпеть не может, чай пьёт исключительно затем, чтобы утолить жажду, и каждую свободную минуту проводит, уткнувшись в книгу. Я же небольшой поклонник чтения и в часы досуга предпочитаю нормальное человеческое общение.

С грустью подумала, что многое отдала бы за книгу, неважно, на каком языке. В доме Ардена изредка появлялись лишь газеты и журналы, которые доставляли из Кагара с недельным опозданием.

– И это продлится ещё целый месяц, пока мы не доберёмся до Нейсса. К тому моменту я завою с тоски, словно кербонский волк! Вдобавок этот бесов нейсский! Учю его уже шесть лет и до сих пор допускаю грубейшие ошибки. Как я буду объясняться, когда любое неправильное ударение придаёт слову иной смысл? Сделаю даме комплимент – и нанесу смертельное оскорбление!

– Возьмите переводчика.

– Увы, – покачал головой Ирвин. – В моём случае посредники неуместны. Зависеть от третьего лица, брать его с собой на конфиденциальные встречи... Нет, я не вправе так рисковать.

– Тогда наймите учителя.

– И где я его найду? – Ирвин скептически покосился в окно на крышу дома напротив с флюгером в виде задорного петушка. – Нейсский в Гидаре не пользуется популярностью, в отличие от языка империи. На огорийском здесь худо-бедно изъясняется каждый пятый, а приличного нейсского не услышишь даже в Рексоре.

– Попросите летта Тэйта позаниматься с вами.

– Из него преподаватель – как из меня храмовый служитель! – фыркнул Ирвин. – Мои промахи его бесят, он язвит, я злюсь и от волнения словно нарочно сбиваюсь чаще. В результате мы ругаемся вдрызг, и на этом урок сорван.

– Терпение – величайшая из добродетелей, – произнесла я на нейсском.

– Это точно не про нас двоих, – уныло сознался Ирвин и уткнулся в тарелку.

Однако он был не из тех, кто грустит долго. Уже через пару минут на его губах появилась очаровательная улыбка.

– Мэй, простите моё любопытство. Каковы ваши планы на будущее?

– В первую очередь я должна поблагодарить вас за то, что не дали мне умереть.

– Вашу жизнь спас Тэйт, я здесь ни при чём.

– Он сказал то же самое, – заметила я.

– Тэйт слишком скромн. И всё же, Мэй. Насколько я понял, в Орлисе вас ничто больше не удерживает. Ваш уважаемый супруг достойно погребён, как и несчастное дитя. Извините, что затрагиваю такую печальную тему.

– В самое ближайшее время я намерена покинуть Гидар. – Упоминание о моём вдовстве я предпочла пропустить мимо ушей.

– Неужели вы собираетесь вернуться в Кирею?

– Под Киреей вы подразумеваете Кирейскую провинцию? – я особо выделила последнее слово. – Нет, я не спешу попасть в рабство. Если бы у меня на родине остался хоть кто-нибудь из близких, тогда я стремилась бы домой, несмотря на риск. Но все мои родные погибли, да и они не защитили бы меня от печальной участи. Девушек из Киреи вывозили в Огорию целыми поездами, я сама чуть не попала в такой.

– Светлая Богиня... – Ирвин покраснел. – Мэй, простите! Я понимаю: война, грязь, инстинкты. Мне рассказывали, что творят на завоёванных территориях имперцы, но я не подумал... не связал это с вами... – он окончательно смутился, чем привёл меня в замешательство.

Неужели со стороны война видится иначе? И Гидар наивно верил, что империя пощадит Кирею больше, чем Дарос, Керон или Катиз? Не превратит побеждённых в рабов?

– Мне повезло, я не стала рабыней. – Пояснить, что моё замужество не сильно отличалось от рабства, мне не хотелось. – А сейчас всё это в прошлом. Управители Орлиса милостиво выдадут мне часть денег летта Лирина, и я отправлюсь в Нейсс.

– Как же вы поедете? – Ирвин опустил золотистые ресницы. – Отсюда в королевство ведёт только окружная дорога, а она небезопасна. До сих пор банды беглых рабов из Огории нападают на поселения и одиноких путников.

Я подозревала, что знаю о бандитских набегах куда больше столичного летта, который в приграничье недавно и проездом, но вдаваться в подробности не стала.

– Вы же не боитесь путешествовать.

– Мы хорошо защищены.

Он отвёл руку в сторону: на кончиках его пальцев вспыхнула крошечная синяя искра, через секунду выросшая в огонёк – маленький, робкий, покорный. Я в ужасе подалась назад. Ирвин – одарённый! Воспитанный галантный красавец – стихийник!

– Мэй, не пугайтесь. Я полностью контролирую силу.

От танцующего на ладони язычка голубого пламени, который то вытягивался и сжимался, то закручивался спиралью, было не отвести глаз. Гидарский огонь, тот, что шутя уничтожал города, тот, что выжег Лиорр...

– Вы тоже воевали? – выдавила я через силу.

– Нет, я дипломат, никто не отправит меня в бой. – Ирвин потушил огонёк. – Но я хочу, чтобы вы знали о моих способностях прежде, чем я сделаю вам предложение.

– Предложение? – с опаской переспросила я.

– Взаимовыгодное, – подтвердил он и перешёл на нейсский. – Мэй, наша встреча – невероятная удача для меня, не иначе, вмешалась сама Богиня. Мне необходимы уроки нейсского, а вы великолепно знаете язык. Я готов платить в месяц триста гидарских зёлов – в два раза больше, чем получает лучший учитель в Рексоре. Это компенсация за то, что вам придётся переезжать из города в город вместе с нами. Всё свободное время мы будем заниматься – поверьте, я способный и послушный ученик. Вы с комфортом доберётесь до Нейсса, и, если ваши планы не изменятся, в Скелоссе мы расстанемся.

– Вы хотите за месяц довести ваш нейсский до идеального? – уточнила я.

Задача сложная, но выполнимая. Ирвин говорил довольно бегло, но пропускал двойные гласные и путал ударения, отчего смысл некоторых слов изменялся до неузнаваемости.

– Идеальным мой разговорный за такой короткий срок вряд ли станет, – честно признал он. – Но я обязан сделать так, чтобы при обсуждении серьёзных вопросов не возникало двусмысленностей. Даже одно неверно произнесённое слово обойдётся мне слишком дорого. Нейсский – тот язык, где значение зависит от полутонов, а я, хотя и разбираю их на слух, повторить не могу.

Я задумалась. Предложение было заманчивое, триста зёлов – приличная сумма. Пусть я до сих пор не очень хорошо разбиралась в ценах, но слышала, что в приграничье на сто зёлов семья прекрасно жила месяц. Неизвестно, до какой степени простирается щедрость управителей, выделенных ими денег может не хватить на дорогу до Нейсса. Потом на месте тоже нужно будет устроиться, вдруг я не сразу найду работу. Средства мне понадобятся. Вот только сколько в этих соображениях разумной составляющей, а сколько симпатии к самому Ирвину? И как со стороны будет выглядеть моё совместное путешествие с мужчиной или даже с мужчинами?

– Ирвин, когда вы сказали: «переезжать из города в город вместе с нами», вы имели в виду летта Тэйта?

– Да, его и ещё одного молодого человека, нашего помощника, я ожидаю его с минуты на минуту. Уверен, они будут только за приятную компанию, особенно Тэйт. Ведь нам больше не придётся ссориться из-за уроков.

Вот уж сомневаюсь. Более того, я уже в курсе, кем меня считает целитель и что он решит, когда услышит о так называемой учительнице. Но не всё ли мне равно? Мне нужны деньги, меня гонят из Орлиса, и предложение Ирвина – прекрасный выход.

– Я согласна, – ответила на нейсском. – С этой минуты мы с вами постараемся разговаривать исключительно на этом языке. Как долго вы задержитесь в Орлисе?

– Спасибо, Мэй! – просиял Ирвин. – Мы планировали выехать завтра утром. Я сделаю всё, чтобы вы не пожалели о вашем выборе, и обещаю вам комфортное и безопасное путешествие!

«Спасибо» он произнёс так, что оно превратилось в «обнимаю». Пожалуй, ежедневные занятия ему действительно необходимы. Весь обратный путь до моей комнаты Ирвин улыбался.

– Пойду обрадую Тэйта, – сказал он на прощание.

Я живо представила себе «радость» целителя и подавила вздох. Но грустить было некогда. Если я завтра уезжаю из Орлиса, откладывать визит к управителям нельзя. Сменила домашние туфли на уличные, надела кофту и покинула комнату. Коридор вывел меня к лестнице, не потребовалось расспрашивать служанку, которая старательно натирала оконные стёкла и покосились на меня с выражением крайнего неодобрения. Внизу моё везение закончилось: я столкнулась с Тэйтом. Целитель тоже собрался выходить, поскольку поверх своей

белоснежной рубашки накинул лёгкую куртку. В мою сторону он даже не взглянул, быстро прошёл через холл и со всей силы хлопнул тяжёлой дверью прямо перед носом. На секунду обида стала такой острой, что захотелось броситься назад, отыскать Ирвина и заявить, что я передумала.

Разумеется, назад я не повернула. Вышла на улицу, вдохнула свежий тёплый воздух. От дождя не осталось и воспоминаний. Небо очистилось от рыхлых туч, пригревало солнце, зазеленела трава на обочинах, распустились листья на кустах крыжовника за оградой дома напротив. В приграничье наконец-то наступила долгожданная весна.

– Смотрите, ведьма! – услышала я шёпот.

На другой стороне улицы застыла стайка девушек. Мои ровесницы, лет восемнадцать-девятнадцать. Нарядные, с яркими атласными лентами, вплетёнными в косы всех оттенков светлого, от соломенного до серебряного. На лицах отчётливо читались испуг и любопытство. Если бы не война, сейчас я точно так же радовалась бы погожему дню, с удовольствием гуляла бы по Лиорру, хвасталась бы обновками перед подругами. Но моя беззаботная юность оборвалась восемь месяцев назад.

***

– Здравствуй, моя красавица!

Тонкие руки тёти прижали меня к себе с удивительной силой, которую никто бы не заподозрил в маленькой, сухонькой женщине.

– Почему такая смурная?

Врать не хотелось, и я ответила честно:

– Папа с Лайдом напугали. Лайд уверен, что будет война.

Тётя выразительно поморщилась и потянула меня в дом. На прощание я помахала Гирейну, наш водитель ответил широкой улыбкой. Везиль развернулся и покатил обратно в Лиорр по извилистой улочке, освещённой ярким светом фонарей.

– Хороший парень, – добродушно заметила тётя. – Чемоданы твои словно пушинки занёс, даже просить не пришлось. Столько нарядов набрала, решила всех местных кавалеров сразить наповал?

Наигранная весёлость в её голосе меня не обманула.

– Тётя, ты со мной как с ребёнком – отвлечь пытаешься! Я не маленькая! Лайд – и тот сказал, что я должна знать, что происходит. Почему в газетах ничего не пишут об угрозе войны с Огорией? Я в дороге десяток прочитала – всё только про богатый урожай, новый университет и будущие выборы.

– Потому и не пишут, – резко заметила она. – Считают, нечего перед выборами зря народ волновать.

– Зря?! – взвилась я. – Тётя, а если на нас нападут? Как на Катиз?!

– Как на Катиз не получится. – Уголок рта дёрнулся, обозначились тоненькие, словно нарисованные карандашом морщинки. – У Катиза была армия, которая сопротивлялась вторжению... Мэй, идём, выпьем чая, и пора спать. Поздно уже. Завтра с утра поговорим.

– Не хочу завтра! – запротестовала я. – С такими мыслями я не засну!

– Прими снотворное, – усмехнулась тётя.

Я возмутилась ещё больше. Никакие снотворные на меня не действовали, она это прекрасно знала. Лекарши лишь руками разводили – врождённая особенность организма. Мне это не мешало, обычно сон у меня был здоровый и крепкий.

– Тётя!

– Девочка моя, – она тихонько вздохнула. – Что тебе сказать, когда никто ничего толком не понимает? Таких, как наша семья, чтобы с иностранцами тесно общались и за пределы

страны выбирались, у нас раз-два и обчёлся. Сидим тихо, за горами да за морем, что в газетах напечатают – тому и верим. Официально у нас с Огорией дружеские отношения, они зерно поездами закупают, фрукты тоннелями переправляют. Так и с южанами империя не ссорилась, только уже пятнадцать лет от Катиза одно название, и то лишь потому, что пески и голые степи Огории не особо нужны. Но выводы должны не мы с тобой делать, а правительство, его для этого и выбирают каждый год.

Она уставилась куда-то поверх моей головы.

– А может, и правильно, что не пишут. Чем бы нам сейчас помогла паника? Раньше надо было думать, много раньше, когда имперцы завоевали Керон. Уже тогда стало ясно, что порядок в мире меняется. Мы же спокойно смотрели, как Огория захватывает восток, потом присоединяет Дарос, – как же, договорённости необходимо чтить. Всё в мире связано, Мэй. Кирея не вмешивалась в войны, теперь никто не поможет нам.

– То есть война возможна? – поникла я.

– Надо надеяться на лучшее, – встряхнулась тётя. – Сколько их было, учений этих. За последние десять лет каждый год проводят. Будем считать, что мне просто повезло. Младший братик с семьёй в кои-то веки погостить выберется, а то совсем забыли тётку старую.

Её голос звучал слишком бодро. Но я хотела услышать именно это – и поверила.

***

Девушки ничего мне не сделали – злобно пофыркали вслед, словно недовольные кошки, и только. До дома Собраний я добралась без приключений, прошла насквозь главный зал и удивилась отсутствию посетителей перед неприметной дверью. В те редкие разы, когда Арден брал меня с собой, здесь толпилось не менее десятка человек. За дверью располагалась приёмная, где каждый день с утра и до обеда обязан был присутствовать один из управителей. Сегодня им оказался летт Тувор – кичливый толстяк с массивным двойным подбородком, который он имел обыкновение многозначительно потирать указательным пальцем левой руки. Очевидно, этим и объяснялось отсутствие очереди – с корыстолюбивым леттом Тувором даже мой нахрапистый муж старался иметь дело лишь в случае крайней нужды, предпочитал летта Кéлана или летта Гёкира, более рассудительных и менее жадных. Тувор при наших встречах не смущался присутствием Ардена и облизывал меня масляным взглядом, отчего я чувствовала себя вещью в руках оценщика. Едва я вошла, на лице Тувора возникла торжествующая улыбка.

– Летта Лирин, – прогудел он довольно. – Вижу, вы в добром здравии.

– Добрый день, летт Тувор.

Стула для просителей в приёмной не предполагалось, дабы посетители не расслаивались. Я кратко изложила цель своего визита. Всё это время Тувор смотрел в сторону и хмурил густые светлые брови до тех пор, пока они не превратились в сплошную горизонтальную линию. К тому моменту, как я закончила, от его хорошего настроения не осталось и следа.

– Документы и деньги, значит, – мрачно отметил он. – Позвольте уточнить, юная летта, а что вы будете делать дальше? Каким образом собираетесь зарабатывать на жизнь?

– Поступлю на службу.

– На службу? – линия бровей разорвалась в удивлении. – И кем же вы намерены... хм... служить?

– Вас это не касается, – невозмутимо ответила я.

– Ошибаетесь, моя дорогая летта Лирин. Меня касается всё, что происходит в моём городе. Особенно когда особа вроде вас оказывается свободна от супружеских уз, и к тому же бездетна. Мне вовсе не нужны скандалы и разрушенные семьи. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Нет.

– Нет? – Тувор откинулся на стуле. – А я уверен, прекрасно понимаете. Как и то, что единственное посильное вам занятие осуждается приличным обществом. И я не допущу подобной службы в Орлисе. Вам ясно?

Очень хотелось расхохотаться ему в лицо, но я сдержалась. Мне стало интересно, зачем он завёл этот разговор.

– Но, учитывая ваше бедственное положение, крайнюю молодость и незаурядные внешние данные, я готов предложить вам... скажем так, покровительство. Мы можем обговорить ваше содержание, разумеется в разумных пределах.

Я всё же рассмеялась, чем немало его оскорбила.

– Летт Тувор, прежде чем вы сразите меня своим великодушием, позвольте уведомить вас, что завтра утром я покидаю Орлис. Вам не придётся переживать по поводу упадка нравственности в городе или ужимать в тратах дражайшую супругу.

Тувор побагровел. На фоне белых волос это выглядело забавно.

– Покинете Орлис? Завтра? Но куда вы пойдёте?

– Подальше от вашего города, – «вашего» я подчеркнула.

– Имейте в виду, – уши Тувора пылали, – никто не сделает вам более щедрого предложения! Доля от наследства летта Лирина – пятьсот зелов, на них вы далеко не уедете!

Мысленно я поблагодарила Отрешённого за то, что согласилась на условия Ирвина. Если мой покойный муж не врал, чего за Арденом не водилось, от его приличного состояния мне выделили даже не десятую – сотую часть. Хорошо, что я сэкономила на дороге до Нейсса, иначе действительно пришлось бы наниматься в прислуги.

– Это мои проблемы, летт Тувор, никак не ваши. Так вы выдадите документы и причитающиеся мне деньги?

Рука Тувора полезла в нагрудный карман, и на стол шлёпнулись мешочек и три свитка. Удостоверение личности Мэйлин Лирин, гражданки Гидара, свидетельство о её браке с Арденом Лирин и свидетельство о смерти летта Лирина. В мешочке оказалось десять золотых монет – пятьдесят зелов в каждой. Он держал всё это при себе, поскольку не сомневался, что я приму его покровительство.

– Учтите, летта. Если завтра вы не уедете, я лично позабочусь, чтобы никто в Орлисе не посмел взять вас в так называемое услужение. И мы вернёмся к моему предложению, но условия перестанут быть столь выгодными для вас.

Документы я свернула и убрала в мешочек, а его без ложного стыда засунула за пазуху. При мне в Орлисе не случалось ограблений, но рисковать не хотелось.

– Всего доброго, летт Тувор.

Он не соизволил попрощаться. Рассчитывал, что я передумаю? Очень зря.

***

Фигурные стрелки часов на фасаде дома Собраний показывали половину одиннадцатого. Ясным весенним днём город выглядел не столь удручающе, как обычно. Центральную площадь, мощёную не тёмной брусчаткой, а светло-серой гранитной плиткой, заливало яркое солнце. Оно отражалось от лакированных боков везилей, стоящих перед зданиями, бликовало в окнах, выбелило стены домов. В Гидаре даже глина, из которой лепили кирпичи, при обжиге приобретала цвет снега.

Если бы не обстоятельства, благодаря которым я очутилась в Орлисе, возможно, у меня не возникло бы к нему стойкого отвращения. К тому же в город я попала поздней осенью, когда ветра с севера принесли низкие плотные тучи и бесконечные затяжные ливни. Солнце почти не выглядывало, все цвета слились в грязно-бурый. Зима же стала для меня настоящим испытанием. До этого я вообще не видела снега, а тут он сыпал и сыпал – каждый день, пока на

улицах не выросли сугробы в половину человеческого роста. Иней рисовал затейливые узоры на стёклах, холод впивался в тело, стоило просто подойти к окну. Я мёрзла так, что порой с трудом заставляла себя выползать из-под тёплого пухового одеяла, и почти не жалела о том, что не могу покинуть спальню. Орлис – жуткое воспоминание, которое я постараюсь побыстрее выкинуть из памяти. Но прежде чем уехать, в истории моего пребывания здесь необходимо поставить точку.

Дом Согар я нашла без труда. Она много раз описывала своё гнёздышко на пятой улице – названия в Орлисе заменяли цифрами. Из таких же белых кирпичных домов он выделялся крышей, покрашенной не в серый, а в ядовито-зелёный цвет. В навесных ящиках под окнами расцветали бледные северные примулы, которые в Кирее безжалостно выпаливали вместе с остальными сорняками. Никогда бы не заподозрила грубоватую Согар в сентиментальной любви к цветам. На мой стук дверь открыла девочка лет двенадцати, однако выше меня на полголовы, – крепкая, плечистая, белобрысая. Здраваться она не спешила.

– Добрый день. Могу я видеть летту Герун? – спросила я под пристальным взглядом светло-серых глаз.

Вместо ответа девочка развернулась и молча ушла в дом, правда, оставила дверь открытой. Через пару минут я услышала чеканную поступь Согар. Поверх блузы и юбки на ней красовался фартук в крупную синюю и бордовую клетку, огромные руки были перепачканы в муке.

– Мей? – забеспокоилась Согар. – Случилось что?

– Добрый день, летта Герун. – Я старалась не опускать голову. – Дело в том, что завтра я уезжаю из Орлиса, а перед отъездом хотела бы попрощаться с мужем и ребёнком. Но я не знаю, где вы хороните мёртвых. Не могли бы вы объяснить, как туда пройти?

Согар заулыбалась, словно услышала что-то приятное.

– То-то же! Это Богиня до тебя достучалась, размягчила сердце. Постой тут. Я сама тебя провожу.

Вряд ли на меня повлияли Боги. Отрешённый учил, что ушедшие в Небесные Чертоги всегда незримо рядом с нами. Желаящим поговорить с ними достаточно помолиться и мысленно передать то, что хочешь сказать. Только сейчас для того, чтобы поверить в будущее, мне было необходимо проститься с прошлым. Окончательно признать, что Арден мёртв и я свободна. Согар вернулась скоро, уже без фартука и с чистыми руками, но в той же лёгкой блузке. Для неё, привычной к холоду, давно наступило лето.

– Пошли!

Я засеменила за ней, еле поспевая за размашистым шагом.

– Уезжаешь, говоришь? С Гирелом, надеюсь?

– Да. Он нанял меня в качестве учителя нейсского языка.

Она расхохоталась.

– Ой не могу! Сразу видать столичную хватку! Наши мужики простые: зовут в жёны или содержанки, а тут – у-учи-тель! Хотя такого красавчика я бы тоже поучила, кабы не мой драчливый мужёнок. Повезло тебе, Мей.

Согар бросила на меня косой оценивающий взгляд.

– Или ты и впрямь ведьма. Тебе сколько лет-то?

– На Равноденствие исполнится девятнадцать.

– Кажешься гораздо старше, – припечатала Согар. – Больно безразличная ко всему. Ни веселиться не умеешь от души, ни горевать, одним словом – кирейка. Хорошо, что ты едешь с Гирелом. Пока Арден был жив, остальные кое-как себя сдерживали, теперь бы раздухарились. Есть в тебе такое, – она неопределённо повела рукой в воздухе. – Мужики присвоить хотят, бабы придушить. И дело даже не в твоей ведьмовской красоте. Знала я похожих на тебя девиц, недотрог-несмеян, которых ни подарками не проймёшь, ни речами сладкими. Оттого

в мужчинах зуд поднимается – надо же, им на шею не вешаются. И не подделаешь это, иначе все бабёнки пользовались бы.

– Летт Тувор только что предложил мне своё покровительство, – усмехнулась я.

– О чём и речь, – хмыкнула Согар. – Ничего, Мэрна ему мозги вправит, у неё знатный молоток для отбивных в хозяйстве имеется. А ты отправляйся с Гирелом. Учи его получше!

Несмотря на то, что я давно отбросила всякие попытки оправдаться, не утерпела и приостановилась.

– Летта Герун, я намерена учить летта Гирела нейсскому языку и не собираюсь становиться его любовницей.

– Ну-ну, – хохотнула Согар. – Самой-то не смешно? Или ты думаешь, что столичные летты благоволят всем без разбору? Летт Тэйт за эти два дня исцелил полсотни человек, но только тебе довелось понежиться на мягких перинах в качестве гостыи. Что ж Гирел не предложил место учителя летте Агуре, которая болтает на трёх языках явно не хуже твоего? Не потому ль, что у Агуры, в отличие от тебя, пороссячи глазки и фигура похожа на квашню?

Грубая правда Согар была очевидна. Не сомневаюсь, все в Орлисе подумают так же. Но какое мне до них дело? Сюда я не вернусь, заработаю денег и останусь в Нейссе.

– Вон уже и кладбище, – Согар указала рукой на ряды однообразных горизонтальных плит. – Ардена и малыша похоронили в одной могиле. Мальчик у тебя был, сыночек. Обрядили их должным образом, гроб выбрали самый лучший, проводили честь по чести. Управители устроили богатые поминки, присутствовала половина города. Анжи ревела пуще всех, когда закапывать начали, чуть в яму не бросилась. Ничего, захмелела потом, утихла.

У моих близких нет гробов и нет могил. Мама, папа, Лайд... Прах их развеял равнодушный ветер среди нетронутых огнём пустых домов Лиорра. Согар я этого не сказала. Молча подошла к свежей насыпи. По традиции Гидара на надгробной плите высекались имена и годы жизни. Арден Лирин, сорок восемь лет, и его сын, лишь дата рождения. Получается, Арден – ровесник моего отца? Никогда бы не подумала, настолько молодо он выглядел... до того, как начал пить.

– Иди, прощайся, – Согар подтолкнула меня к могиле. – Я пойду батю проведаю, потом вместе вернёмся. Не стоит тебе одной по городу ходить.

Проститься... Наверное, следует что-то сказать, но что? Я не привыкла себя обманывать. Во мне не было никаких тёплых чувств – ни к мужу, ни к ребёнку. Возможно, если бы мой мальчик родился, я смогла бы его полюбить, нельзя не любить родное дитя. Но Отрешённый распорядился иначе. Мне даже не довелось увидеть сына, понять, на кого он похож, какой крови в нём больше – Гидара или Киреи. Был живот, где восемь месяцев тихо росло живое существо, пара пинков ревнивой девицы – и его не стало, а искусство целителя вернуло тело в норму.

«В ближайшие полгода вам нежелательно беременеть, лишняя нагрузка на организм»...

Клянусь твоей памятью, бедный малыш, если у меня и будут ещё дети, то только по любви. Что же касается тебя, Арден Лирин... Я промолчу. Это большее из того, чего ты заслуживаешь. Слишком многое в мире принято оправдывать любовью, но я не верю, что любящий человек способен на насилие.

На обратном пути Согар молчала. Довела меня до дома Гивора, осенила знаком Богини.

– Не высовывай носа до отъезда, Мей. Анжи сильно на тебя зла, вполне способна подпортить хорошенькое личико, а целитель может и не захотеть наводить красоту. Очень уж он привередливый, этот летт Тэйт. Вёрна его умоляла ей кривой нос исправить, а он упёрся. Мол, я исцеляю болезни и уродства, от которых отправляются на Небеса, а вы, летта, здоровы, как катизский вол, даром что страшная.

– Что, так и сказал – «страшная»? – не поверила я.

– Нет.

От голоса целителя мы обе подскочили.

– Я напомнил летте Нэвир, что Кодекс целителей запрещает перестраивать живые организмы без веской причины, а непривлекательная внешность таковой не является.

Тэйт подошёл совершенно бесшумно и зло смотрел на меня, словно это я распускала нежелательные для него слухи.

– Позвольте тогда узнать, летт Тэйт, какие причины достойны вашего вмешательства? – я постаралась придать голосу побольше почтительности.

– Угроза жизни, явная или отсроченная, – процедил он сквозь зубы – Всё остальное не стоит траты энергии.

В дом он зашёл первый и не потрудился придержать дверь.

– М-да, – почесала в затылке Согар. – Похоже, Богиня подкинула таракана тебе в сироп. «Ещё какого», – мрачно подумала я, простилась с Согар и поспешила в дом.

***

Путешествовать я любила. Когда мне исполнилось пятнадцать, отец взял меня и Лайда с собой в Катиз. Полтора месяца мы держали путь вдоль побережья, останавливались в портовых городах, любовались бирюзовым Нейсским морем. Катиз запомнился мне жарой, духотой и сказочным многоцветием. Казалось, там не существовало ничего бледного и тусклого – лишь яркие, сочные краски. Дома облицовывались лазоревой и алой изразцовою плиткой, женщины носили пёстрые радужные шелка, сады поражали пышностью и разнообразием цветов.

Гидар был иным. Строили здесь из белого кирпича или серого камня, а под блёклым небом большую часть года лежал снег. Не знаю, как в других городах, в Орлисе предпочитали практичные, немаркие ткани, даже юные летты не позволяли себе вызывающего розового или легкомысленного голубого. Арден покупал мне одежду исключительно тёмно-синего, тускло-зелёного или графитового цветов, отчего я чувствовала себя древней старухой. Я повторно пересмотрела содержимое своих сумок и отобрала лишь несколько самых светлых юбок и блуз. Где-нибудь по дороге куплю нормальную одежду, не может быть, чтобы весь Гидар одевался в мрачные тона. Так же поступила с мелочами, взяв самое необходимое. Путешествовать нужно налегке. Оставшиеся вещи сложила во вторую сумку и задумалась. Нужно их кому-то отдать, только кому? Отнести Согар, может, пригодятся дочке? Но она сама просила меня не выходить. Ладно, просто «забуду» сумку в комнате, служанки разберутся.

Второй проблемой стали волосы. Ухаживать за ними в дороге довольно трудно. Мыть, сушить, по полчаса расчёсывать. Нужны ножницы. Я внимательно осмотрела комнату – комод, тумбочку, ящики стола – пусто. Придётся идти искать прислугу. Дом, как назло, словно вымер. Без толку побродив по коридору, я спустилась вниз на кухню. В просторном помещении, полном вкусных запахов, сновали сразу четыре служанки, которые при виде меня скривились, словно надкусили лимон.

– Доброго дня, – обратилась я к полной пожилой летте в белом колпаке. – Вы не могли бы ненадолго одолжить мне ножницы?

Она сделала вид, что занята исключительно мясом, которое отбивала. Я повторила вопрос. Меня, несомненно, прекрасно слышали и при этом полностью игнорировали. Мне оставалось развернуться и уйти... чтобы в дверях столкнуться с Тэйтом.

– Что вы здесь делаете, летта? – прищурился он.

– Я искала ножницы, летт Тэйт, – почему-то рядом с ним не появлялось и мысли отделаться вежливой отговоркой.

– На кухне?

– В том числе.

– Идёмте, – бросил он и быстро пошёл вперёд.

Догнала я его уже в коридоре второго этажа, почти у отведённой мне комнаты. Тэйт открыл соседнюю дверь.

– Заходите, летта.

Из чемодана, стоявшего на полу, он достал шкатулку с откидной крышкой. Внутри находилось множество блестящих металлических предметов и среди них несколько ножниц – от совсем крошечных с изогнутыми концами до огромных и устрашающих.

– И зачем вам они понадобились? – насмешливо спросил Тэйт. – Обычно особы вроде вас не утруждают себя шитьём.

Вместо ответа я выбрала самые громадные ножницы, те, что больше напоминали садовый инструмент для обрезки веток. Перекинула косу вперёд, вложила её между лезвиями и резко свела кольца ручек. Инструменты целителя явно были не из простых – косу толщиной в руку они отсекли с первого нажатия. Я не успела её поймать, и коса с глухим звуком шлёпнулась на пол.

– Прошу прощения, летт Тэйт, – извинилась с напускным смирением. – Я тут у вас насо-
рила немного. У особ вроде меня это случается.

Поискала взглядом корзину для мусора, подняла косу и выкинула к прочему сору прямо
вместе с лентой. С почтительным поклоном вернула ножницы в шкатулку, которую Тэйт так
и держал в руках.

– Благодарю за помощь.

Уходила с гордо выпрямленной спиной. Целитель, слава Отрепёному, молчал, иначе
я вполне могла бы наговорить лишнего. Почему-то рядом с ним хвалёное кирейское хладно-
кровие давало сбой. В своей комнате я упала на кровать и с кулаками набросилась на безвин-
ную подушку. Глупо, но я не владела собой. Что я ему сделала? Что?! Мерзкий, надменный,
наглый! Зачем он меня спасал от смерти – чтобы ненавидеть и издеваться?

Назло теперь начну улыбаться Ирвину – пусть Тэйт бесится. И оденусь в лучшее, что у
меня есть, и причёску сделаю... Дойдя до причёски, я остыла и загрустила. Поднялась, добрела
до зеркала. Хм, не всё так плохо! Резала я сгоряча, но волосы у меня вились и скрадывали
неровные пряди. Длина чуть ниже плеч, если заплести с боков две косички, получится и кра-
сиво, и удобно. А Тэйт может удавиться на моей косе!

Следующий час я развлекалась тем, что придумывала новые причёски из остатков волос.
К счастью, когда в дверь постучал Ирвин, на моей голове красовались те косички, о которых
я подумала первоначально.

– Мэй... – начал Ирвин и осёкся. – Милостивая Богиня! Что вы натворили?!

– Отрезала лишнее, – спокойно ответила я. – В дороге с длинными волосами хлопотно.
Тяжело промывать, долго сушить. Так намного удобнее.

Ирвин обошёл вокруг меня, несколько раз глубоко укоризненно вздохнул.

– Простите, Мэй, я не хочу сказать, что вы подурнели. Испортить такую внешность
нельзя, даже обрившись наголо. Но отрезать такую красоту! Как только у вас поднялась рука!

– Не переживайте, – дружелюбно улыбнулась я. – На моё знание нейсского языка длина
волос не влияет.

– Не сомневаюсь, – грустно согласился Ирвин. – Просто в голове не укладывается. Взять
и за один миг уничтожить то, что растили столько лет!

– Это не рука и не нога, – я перешла на нейсский. – И вы забыли, о чём мы договорились.
У нас и так мало времени, если вы хотите добиться результата.

– Когда я вас увидел, у меня всё выветрилось из головы, – Ирвин с тоской покосился на
мои кудри. – А я шёл пригласить вас на обед и поделиться новостью. Наши планы изменились,
придётся выехать из Орлиса сегодня, сразу после обеда. Завтра утром я должен быть в Кагаре.

– Прекрасно, я как раз собралась. Могу отправиться хоть сейчас.

– Вы – да. – Ирвин подал мне руку. – А Тэйт сердится, что обстоятельства не позволяют
ему излечить всех нуждающихся в Орлисе. Дай ему волю – он помогал бы до тех пор, пока
не свалился бы сам.

– Теперь эту же фразу на нейсском, пожалуйста.

– Э-э-э... Мэй, сжальтесь! Начнём завтра.

– Нет. Никаких отсрочек. Я собираюсь честно отрабатывать своё жалование.

– Я уже понял, – рассмеялся Ирвин. – Вы безжалостны, Мэй. К себе и другим в равной
степени.

Он галантно распахнул дверь. Я полагала, что он ведёт меня в комнату, где мы завтра-
кали, но вместо этого мы спустились на первый этаж и прошли в большую столовую. Во главе
накрытого к обеду стола важно восседал хозяин дома. На вид летту Гивору было около пятиде-
сяти, и выглядел он, как и полагается владельцу бескрайних земель, внушительно и монумент-
ально. Возле него примостилась жена, первая худая, чтобы не сказать тощая, гидарка, встре-
ченная мной в Орлисе. Две их очаровательные дочери, сидящие справа и слева от родителей,

при взгляде на меня не сдержали презрительной гримасы. Лишь Тэйт скучающе рассматривал картины на стенах и при виде нас не соизволил даже шевельнуться. Ирвин не заметил приглашающего жеста одной из девиц, направился к другому концу стола и усадил меня между собой и Тэйтом. Я вежливо поздоровалась, летта Гивор склонила голову, летт Гивор пробурчал нечто напоминающее приветствие. Моё присутствие не вызвало у них протеста. Если бы Ирвин подобрал на улице бродячую псину, отмыл, притащил в столовую и начал кормить кусками из своих рук, хозяева взирали бы на каприз важного столичного гостя с той же благосклонной снисходительностью.

Очевидно, ждали только нас, потому что служанки тут же принялись разливать суп и разносить закуски. Через пару минут я поняла, что, несмотря на достаток, подобные застолья непривычны хозяевам и затеяны исключительно ради особых гостей. Дочки путали приборы, облизывали ложки, откусывали, а не отламывали хлеб, тянулись за блюдами через весь стол – собственно, вели себя, как нормальные девушки из приграничья со здоровым аппетитом. Летта Гивор почти ничего не ела – подозреваю, чтобы не опозориться. На Тэйта, ловко орудующего ножом и вилкой, она взидала с благоговением. Каким бы ужасным ни был характер целителя, придаться к его манерам было сложно. Ирвин ухаживал за мной, нисколько этого не стесняясь и не скрывая. К списку его достоинств я прибавила хладнокровие и выдержку. Девицы откровенно с ним заигрывали, с каждой фразой заходя всё дальше и дальше за грань пристойного. Дошло до того, что старшая из сестёр начала упрашивать взять её с собой в Нейсс: «Ах, летт Гирел, я так мечтаю искупаться в море!»

– К сожалению, летта Аруна, это невозможно, – очень вежливо ответил Ирвин. – Я путешествую не по собственному почину, а выполняю поручение Совета управителей Гидара. Времени, чтобы развлекать вас в пути, у меня не будет.

– Тем более нам недосуг оберегать честь незамужней девицы, – Тэйт оторвал взгляд от тарелки. Лицо его оставалось бесстрастным, а голос – холодным. – Летта Гивор, мужчин в деловых поездках сопровождают жёны, невесты или любовницы. Поскольку ни я, ни Ирвин не делали вам предложения, сомневаюсь, что вы удовлетворитесь третьим вариантом.

На девушку жалко было смотреть. Она покраснела от пышных полушарий груди в глубоком вырезе блузки до кончиков ушей, что, впрочем, неудивительно при такой белой, почти прозрачной коже. Её мать, напротив, побледнела до синевы. Ирвин бросил на целителя укоризненный взгляд. Гивор поспешил вмешаться:

– Летт Тэйт, Аруна не имела в виду ничего предосудительного. Она слишком юна и чиста, чтобы задумываться о подобных вещах, и её горячее желание побывать в Нейссе не скрывает под собой иных намерений.

– Да? – целитель отложил салфетку и поднялся. – В таком случае объясните вашей юной и чистой дочери, что прежде, чем гладить под столом чью-то ногу, нужно убедиться, что эта нога принадлежит именно тому, к кому ты напрашиваешься в попутчики.

В наступившей тишине громко звякнула упавшая на пол вилка. Аруна вскочила так резко, что опрокинула стул, и опрометью выбежала из столовой. Тэйт невозмутимо поклонился и вышел. Ирвин еле слышно вздохнул, я искренне ему посочувствовала.

– Летт Гивор, полученное предписание Совета торопит меня покинуть Орлис, – Ирвин изо всех сил сохранял спокойное лицо и вежливый тон. – Мы вынуждены выехать в Кагар сегодня. Благодарю вас за оказанное гостеприимство, если вы сочтёте первоначальную оплату недостаточной, уведомите меня до отъезда. Летта Гивор, летта Лавин, моё почтение.

Он взглянул на меня. Я мило улыбнулась, поблагодарила за обед и поднялась. Столовую мы покинули вместе. Ирвин плотно закрыл за нами дверь, огляделся по сторонам – никого – и расхохотался, прикрывая рот рукой.

– Не могу-у! Мэй, вы только представьте! Я-то гадал, с чего летта Аруна мне так многозначительно улыбается! А она Тэйта! По ноге! Тэйта! Богиня, как он выдержал!

– Не следует обсуждать это в коридоре, – заметила я.

– Вы правы, Мэй, – Ирвин утёр выступившие от смеха слёзы. – Поднимемся, мне нужно переодеться... Нет, это выше моих сил! Гладить Тэ-эйти-а!

Всю дорогу он мужественно кусал губы. На втором этаже мы расстались – я завернула в уборную. Умылась, строго осмотрела своё отражение в зеркале. Жена, невеста или любовница? Не слишком ли вы категоричны, летт Тэйт? Существуют также дочери, сёстры, родственницы, служащие. Любопытно, что вы скажете, когда я сяду с вами в везиль? Такую же гадость, как Аруне? Или найдёте более уничижительные слова?

В комнате я сколола волосы в небольшой пучок на затылке – теперь это удавалось без проблем. Задвинула под кровать вторую сумку с ненужными вещами – слуги начнут протирать пыль, обнаружат и приберут к рукам. Арден покупал мне дорогую, качественную одежду и недоумевал, почему я не радуюсь. Как-то я попыталась ему объяснить, насколько неудобны и непривычны для меня традиционные гидарские юбки и кофты, стесняющие свободу движений. Он не понял. Женские костюмы Киреи в приграничье называли не иначе как «бесовскими нарядами». Деньги и документы я спрятала в поясную сумку, такие были распространены в Орлисе. Пусть они не защищали от бандитов, зато от карманников – вполне. Их надевали на нижнюю сорочку и прикрывали пышными складками юбки. Монету в пятьдесят зелов отложила в карман – полностью зависеть от Ирвина не хотелось.

В дверь требовательно постучали – подошёл слуга «снести вниз мой багаж».

– Это и всё? – изумлённо переспросил он при виде одной небольшой сумки.

– Да, – подтвердила я с ледяным лицом.

Слуга забрал сумку, я последовала за ним. Раз грузят багаж, значит, везиль уже внизу, лучше подышу воздухом снаружи. Вдруг пожалует целитель с очередными оскорблениями? Мои планы он не изменит, но настроение подпортит основательно. Поэтому я не отставала от слуги. На улице и впрямь обнаружился везиль – такой огромный, что загородил собой половину улицы. Подобных мне видеть не доводилось: новейшая обтекаемая модель, чёрный лакированный кузов, четыре пары колёс и вытянутая кабина. На месте водителя сидел молодой белобрысый парень, косая чёлка придавала ему лихости.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я.

Парень открыл дверь и спрыгнул на мостовую. Чтобы заглянуть ему в лицо, пришлось задрать голову. Наверное, так в юности выглядел Арден, пока не заматерел. Мощную фигуру искупали мальчишечья улыбка и озорной блеск ярко-голубых глаз.

– Добрый! Вы летта Мэйлин Лирин? А я Дирин, вот забавно, да? Дирин Гёрис, водитель, помощник и охранник в одном лице – к вашим услугам. Ирвин предупредил, что нанял учителя, но я не ожидал, что вы такая красавица! И на уроженку Нейсса совсем не похожи, они все чёрные, словно галки.

– Я кирейка.

Дальше должна была следовать брезгливая гримаса, но Дирин не утратил доброжелательности.

– Надо же! Вы из перемещённых? Хотя нет, тогда бы вы не попали в Орлис. А где же вы тогда изучали нейсский? Он же страх какой сложный! Когда я слушаю летта Тэйта, ничего не понимаю, сплошные «е» и «эс»! «Ёсса» одновременно означает и свет, и дорогу, как такое может быть?

– «Есса» – путь, а «еёсса» – свет, – пояснила я. – Всё дело в двойной гласной, хотя вы правы, летт Герис, на слух разница трудноуловима.

– Никаких «летт Герис»! – запротестовал парень. – Только Дирин, а то я обижусь. Мне хватает выканий летта Тэйта, когда он в плохом настроении!

– А он бывает в хорошем настроении? – неосторожно вырвалось у меня.

Дирин хихикнул.

– Вот в Рисаре к нам присоединится Ило́на, и летт Тэйт отгад.

Любопытство во мне боролось с вбитым воспитанием, настолько хотелось спросить, кто такая эта Илона. Дирин прочитал мои мысли.

– Илона – младшая сестра Ирвина, они с леттом Тэйтом вместе росли. Ирвин рассказывал, детьми они знатно озорничали, да и взрослые не больно-то изменились. Родители порой не знали – то ли плакать от их проделок, то ли смеяться. И отшлёпать нельзя, – водитель заговорщицки понизил голос. – Илона девочка, у летта Тэйта дар.

Теперь понятно, почему Тэйт такой – в детстве не шлёпали. А жаль.

– Где же они? – Дирин покосился на часы в кабине везиля. – Третий час, коли сейчас не выедем, до ночи не обернёмся. Схожу потороплю.

Он пошёл в дом, по пути разминулся со слугами, что тащили аж четыре чемодана. Я обогнула везиль, заглянула внутрь. Ничего себе! Да в таком жить можно! За раздвижной перегородкой оборудовано спальное место, одеяло, подушки: устал – отдыхай. Ещё одна дверь – крошечная уборная, не придётся по нужде бегать в кусты, даже раковинка есть маленькая и бачок с водой и краном. В салоне вместо обычных жёстких сидений мягкие кожаные диваны, откидной стол, встроенные светильники. Настоящий дом на колёсах. В кабине водителя диван на двоих, тоже откидной столик, на приборной панели закреплена статуэтка Богини. Необычная – вместо традиционного плаща пышное платье, руки не сложены на груди в молитвенном жесте, а свободно опущены. Подобных изображений я раньше не встречала и залезла рассмотреть поближе. Материал тоже странный – на вид камень, но при этом цвета располагаются там, где положено: руки и лицо Богини белые, платье синее, волосы золотистые.

– Ты делаешь ошибку, Ирви.

Диалект предгорий. Неплохое произношение, акцент еле уловим.

– Тэйт, не лезь.

А вот Ирвин говорит и вовсе без акцента, словно родился среди мятежников. Надо и его нейсский подтянуть до такого же уровня. Откуда они подошли? Из кабины не видно, похоже, стоят у дверей салона.

– Ирви, если тебе так приспичил этот клятый нейсский, обещаю заниматься с тобой каждую свободную минуту. Только оставь её в Орлисе. Дело в деньгах – я дам ей денег, любую сумму, которую она попросит. Три, пять, десять сотен!

– Прекрати, Тэйт. Ты прекрасно понимаешь, что деньги ни при чём.

– Это ты не понимаешь. Ирви, она не та девушка, которая тебе нужна. Поверь моему опыту...

– Хватит! – приглушённый гневный окрик. – Довольно! Я сам разберусь, кто мне нужен, а кто нет! Ещё слово в том же духе – и мы поссоримся. Ты слишком далеко зашёл, Тэйт. Эта тема закрыта.

После минутной тишины последовало холодное:

– Как скажешь.

Сквозь боковое стекло я увидела Ирвина – он возвращался в дом. Выскользнула из кабины с другой стороны, стиснула до побелевших костяшек пальцы. В моей душе пылала ненависть. Не к Огории, не к Гидару, даже не к Ардену. Целитель разбудил то, что я считала давно изжитым – боль от несправедливой жгучей обиды. Ему хотелось дать не одну, а пять, десять, сотню пощёчин! В эту минуту я ненавидела Тэйта так сильно, что, попадись он мне, набросилась бы на него с кулаками.

– Летта Мэйлин, а я вас ищу, – окликнул меня Дирин. – Прошу вас, залезайте, мы отправляемся.

Мама учила справляться с гневом. Нужно глубоко дышать – десять секунд вдох, десять выдох. Растворить свою ярость в размеренном дыхании. Воспитанные девушки не показывают злости, они всегда рассудительны, благожелательны и вежливы. Киреек называют бесстраст-

ными, каменными, бездушными. Чушь. Внутри мы обычные женщины, так же страдаем и плачем. Но вековые традиции обязывают нас прятать свои чувства. Спокойствие, гордость и достоинство – то, что должно отражаться на моём лице при любых обстоятельствах.

– Спасибо, Дирин.

Я не стала дожидаться Ирвина, забралась в везиль, села на диван возле окна. Тэйт сидел напротив, тёмные глаза остановились на мне с выражением крайней неприязни. Целитель своё отношение не скрывал. Ирвин заглянул в салон и обрадовался:

– Мэй, вы уже здесь? Дирин, трогай!

Он устроился рядом со мной, подбадривающе улыбнулся. Ход везиля оказался мягким и плавным, мимо медленно поплыли однообразные белые кирпичные и серые каменные дома за окном. Залитая солнцем центральная площадь, часы на доме Собраний, новенькое здание почты, маленький сквер перед домом лекаря, перекрёсток с улицей, на которой находился дом Ардена.

Прощай, Орлис.

***

– Не «ёссинор», а «ессиноёр», Ирвин, – поправила я. – Иначе вы очень обидите собеседника, назвав его не самым умным человеком.

Ирвин устало откинулся на спинку дивана.

– Надеюсь, этого не произойдёт. Скандал на переговорах мне совсем не нужен.

– А он обязательно случится, если ты начнёшь обзывать всех дураками, – ехидно вставил Тэйт.

Первую половину пути целитель делал вид, что читает книгу – толстенный справочник с какими-то непонятными схемами и таблицами, только страницы он почему-то забывал переверачивать. Затем Тэйт демонстративно устался в окно, хотя смотреть там было не на что: столбы линии связи, бесконечные бурые луга и далёкие, тающие в сизой дымке холмы. Ближе к Кагару потянулись густые заросли кустарников, но рядом с дорогой их предусмотрительно выжигали: приграничье есть приграничье, засады никому не нужны. Когда Тэйту надоело разглядывать однообразный пейзаж, он соизволил обратить внимание на нас с Ирвином, беседующих на нейсском языке. Ирвин рассказывал о жизни в предгорьях, я внимательно слушала, и всё было замечательно, пока целитель не начал вступать со своими едкими замечаниями. Через час я поняла, отчего уравновешенный Ирвин ссорился с Тэйтом из-за уроков языка. Спустя следующий час поймала себя на неодолимом желании вскочить, обхватить руками длинную изящную шею целителя и душить до тех пор, пока тот не задохнётся или хотя бы не заткнётся. Похожие чувства испытывал и Ирвин, он начал всё чаще ошибаться и ставить неверные ударения.

– Может, ты приляжешь и отдохнёшь? – сердито предложил он Тэйту. – До Кагара ещё три часа, сам жаловался, что вымотался в Орлисе и толком не выспался.

– Я бодр и полон сил, – ухмыльнулся целитель. – Тебе прекрасно известно, что резерв у меня полностью восстанавливается за пять часов, а мы ползём по этим колдобинам целых шесть.

Он произнёс это на отличном нейсском, я даже уловила выговор Скелосса.

– Тогда будь другом – просто помолчи! – взмолился Ирвин. – Я устал от твоих подначек! Знаешь ведь, что нейсский мне нужен позарез, и всё равно мешаешь!

– Мне скучно, – пожал плечами Тэйт. – Вы с леттой мило беседуете вдвоём, а я чем должен заниматься?

– Ты словно первый день в дороге.

– Первый раз мне затыкают рот.

– Потому что ты постоянно язвись. Тэйт, правда: перестань, пожалуйста, – Ирвин сменил тон, теплота в его голосе меня поразила. – Мне стыдно перед Мэй за твоё поведение. Она подумает, что ты действительно такой несносный желчный тип, каким хочешь казаться.

– Вот на что мне совершенно плевать – так это на мнение летты Лирин, – отрезал Тэйт, поднялся и ушёл в спальный отсек.

Ирвин растерянно взглянул на меня.

– Мэй, ради Богини, простите. Не представляю, что с ним происходит. Он третий день такой.

– На нейсском, – напомнила я.

– К бесам нейсский! Я же вижу, как вам всё это неприятно. Поверьте, мой брат — замечательный человек, добрее и самоотверженнее я никого не знаю.

– Ваш брат? – от изумления выдохнула я на родном языке, опомнилась и повторила по-гидарски: – Летт Тэйт – ваш брат?

– Тэйт – приёмный ребёнок, но родители никогда не делали разницы между нами. Напротив, подростком я сильно ревновал, поскольку думал, что они любят и балуют его больше. Меня частенько наказывали – за дело, разумеется. Тэйта лишь мягко упрекали. Конечно, став старше, я понял, почему они так поступали. Целители невероятно чутки и ранимы.

– Не очень-то похоже, – я покосилась на закрытую дверь.

– Потому я и извиняюсь, – Ирвин виновато улыбнулся. – Наверное, Тэйт просто устал. Поверьте, никогда раньше брат не опускался до грубости. Он резок и прямолинеен, но впервые в жизни ведёт себя, как настоящий мужлан.

Для меня поведение Тэйта не было загадкой: до целителя дошли слухи, ходившие в Орлисе. Те, в которых кирейская ведьма околдовала летта Лирина, залезла к нему в постель и женила на себе. Циничный совет Согар окончательно убедил Тэйта в моей безнравственности и продажности. Ничем иным его предубеждённость я объяснить не могла. Теперь я пожалела о том, что полгода назад смолчала, но тогда мне казалось бессмысленным что-то кому-то объяснять или доказывать. Правду о моих отношениях с Арденом знали всего двое: я и мой покойный муж. А останься Арден жив, не имело бы никакого значения, какие обстоятельства нас связали, он всё равно никогда бы меня не отпустил.

– Пожалуйста, Ирвин, не извиняйтесь. Вы ни в чём не виноваты. Это вы – самый добрый и великодушный человек на свете.

Он смутился. Зачем-то схватил забытый Тэйтом справочник, сжал в ладонях и лишь спустя несколько минут отважился ответить:

– Теперь я даже благодарен Тэйту за эту вспышку. Мне... я... очень хочу надеяться, что вы действительно так думаете.

– Это на самом деле так, – я вновь перешла на нейсский. – Но у нас мало времени, нужно заниматься языком. Иначе вы и впрямь нечаянно обзовёте собеседника дураком. Расскажите мне о себе. Когда у вас проявился дар?

– Как у большинства одарённых, в девять лет. Дар перешёл ко мне от отца, а ему – от его отца. Дед гордится, что в его семье три поколения стихийников служат своей стране. Он один из управителей Гидара и патриот до мозга костей.

– Правда, что пользоваться даром могут только мальчики?

– Да, почему-то так распорядилась Богиня. – Ирвин раскрыл ладонь, в центре заплесал весёлый голубой огонёк, покрутился и пошёл перескакивать с пальца на палец. – Стихийники и целители исключительно мужчины, однако женщины передают способности детям. Моя младшая сестра не может управлять энергией, но, когда она родит сына, он обязательно унаследует дар.

– Какое ценное приданое, – улыбнулась я.

– Илона – выгодная невеста. Открою вам тайну, Мэй: моя поездка в Нейсс как раз связана с предстоящим замужеством сестры, – голос Ирвина потеплел. – И, если всё удачно сложится, очень скоро я увижу свою сестрёнку важной леттой, а отношения между нашими странами упрочатся.

Успокоившись, Ирвин снова заговорил почти без ошибок.

– Вам известна легенда о появлении одарённых, Мэй? В знак особой милости к людям Богиня послала наделённого даром ребёнка в каждую из частей света. Жители благополучного юга, процветающего востока и благоденствующего запада испугались силы, заключённой в этих детях, и из страха их убили. Лишь на суровом обездоленном севере мальчика с благодарностью приняли и вырастили. За их доброту Богиня подарила им ещё одного, обладающего искусством исцелять недуги. Конечно, это сказка, но только в Гидаре вот уже двести лет рождаются стихийники и целители.

– Мне ближе научное объяснение, данное учёными Киреи. Два века назад на севере Гидории возникла редчайшая мутация, у людей появилась способность воздействовать на потоки рассеянной энергии. Возможно, именно суровый климат Гидара и дал толчок развитию столь невероятного явления.

– Не разрушайте волшебство научными терминами, Мэй, – засмеялся Ирвин, огонёк на его ладони замерцал и истаял. – Совет управителей по сей день спорит со служителями Богини – кем являются одарённые: даром Небес или, как вы сказали, мутацией. Известно одно: кроме способности управлять энергией, во всём остальном мы не отличаемся от остальных людей. Дар передаётся по наследству, и неважно, откуда пара одарённого – из Гидара, Катиза, Огории или Нейсса. Другое дело, что до последнего времени Совет запрещал одарённым покидать пределы Гидара. Моя сестра – первая, кого Гидар отпускает в чужое государство. Это очень важный шаг и для нас, и для Нейсса.

Ирвин посмотрел в окно. Солнце зависло над сумрачными холмами и окрасило золотом их пологие вершушки. Золотые отблески легли на совершенное лицо, подсветили кончики длинных ресниц.

– Мэй, простите, если растроваю душу. Ваши родители... Кем они были? Вы упомянули, что отец торговал со всеми государствами.

– Папа покупал и продавал пряности и специи. Возможно, вам приходилось слышать – Торговый Дом Луерр. Он был известен далеко за пределами Киреи. Мама посвятила себя семье, мне и Лайду.

Запнулась, погрузилась в воспоминания.

– Ещё раз простите, – тихо произнёс Ирвин. – Не стоило напоминать вам о потерях. Но мне хочется узнать о вас всё. О том, как вы жили, о дорогих вам людях.

– Так даже лучше, – я подняла голову. – Пока я их помню, они со мной. Мама, папа, Лайд. Их лица, голоса, восемнадцать счастливых лет. Я верю, что когда-нибудь встречу с ними в Небесных Чертогах. И не собираюсь их забывать.

– Лайд – ваш брат?

– Да. Лайден был старше меня на шесть лет. Он уже вовсю помогал отцу, много ездил по делам Дома. Умный, заботливый, чуткий. Идеальный старший брат.

– Вот бы Илона хотя бы раз так отозвалась обо мне! – вздохнул Ирвин. – Сестрёнка считает меня слишком занудным и скучным.

– Уверена, она вас просто дразнит. Я тоже подтрунивала над Лайдом – как он старается доказать папе, что уже взрослый и самостоятельный, как избегает вероятных невест. В отместку он звал меня малышкой, а я сердилась. Мама утешала – не переживай, Мэй, ты всегда успеешь повзрослеть.

Ирвин подался вперёд.

– Мэй, восемнадцать счастливых лет – неужели вам всего восемнадцать?!

– Через два месяца исполнится девятнадцать.

– Великая Богиня! – он встряхнул головой. – Я думал, мы ровесники – мне двадцать шесть. Вы такая уравновешенная, зрелая, рассудительная... Илона в восемнадцать в куклы играла!

– Я тоже играла.

Отвернувшись, чтобы скрыть волнение. Последнюю куклу в смешной полосатой юбке брат привёз мне из Гидара, вручил со смехом – держи, малышка. Я взяла куклу с собой в Куарр. Через день Лайда не стало.

– В десять лет я мечтал стать военным, как мой отец, – заговорил Ирвин. – Он тогда только что вернулся из Катиза, герой войны, с боевыми наградами. Я бегал за ним хвостиком и канючил – похвастайся своими подвигами! Он или отмалчивался, или отделялся общими фразами. Спустя неделю родители дали торжественный ужин, и хмельной друг отца рассказал. О том, как за секунды исчезают в гидарском огне люди: тело превращается в пепел, а одежда, обувь, украшения невредимые падают на землю. Что потребовалось сжечь лишь один город, чтобы Катиз признал себя побеждённым. Они ходили по этому городу с нетронутыми домами, заглядывали внутрь, видели кучки вещей, которые недавно были людьми. Друга потрясли ошейники на собачьей подстилке – один большой и несколько маленьких, собака и щенки. После этого посещения несколько стихийников, в том числе и мой отец, подали в отставку. Ужин закончился тем, что отец с друзьями напился до беспамятства. А мне стали сниться кошмары. Наш дом, объятый голубым пламенем, горящие отец и мама и потом – их одежда, валяющаяся на полу.

Ирвин помолчал, затем продолжил:

– Кошмары снял Тэйт – его дар прорезался рано. Не представляю, что было бы со мной, Мэй, если бы мои родители сгорели наяву. Я могу лишь восхищаться вашей стойкостью. Вы потеряли родину, дом, семью – и нашли в себе мужество жить дальше.

– То, что вы считаете мужеством, в Орлисе называли бездушием. – Я взглянула в его глаза, прозрачные, словно чистая вода в роднике. – Разве до вас не дошли слухи о кирейке, у которой вместо сердца камень?

– Я не слушаю сплетни, – отмахнулся Ирвин. – О стихийниках тоже болтают гадости, разве что никто не посмеет высказать это одарённому в лицо – чревато последствиями. Расскажите мне о вашем детстве, Мэй. С кем вы дружили, чем увлекались, кто учил вас языкам?

– Вам это правда интересно?

– Ещё как, – улыбнулся он. – А потом я поделюсь своими детскими шалостями. До Кагара два часа, вот увидите, мы приедем добрыми друзьями.

– У меня было очень счастливое детство. – Я повернулась к окну. Солнечный диск резал взгляд, но теперь для слезящихся глаз появилось оправдание. – Любящие родители, заботливый старший брат, множество подруг. Я росла книжным ребёнком, рано научилась читать, однако находила время и для игр. В нашем доме часто жили гости из других стран – друзья и партнёры отца, их жёны, дети, все они говорили на разных языках. Когда ты с рождения слышишь чужую речь, легко запоминаешь слова. Мы с Лайдом даже не замечали, как переходили с одного языка на другой – фраза на нейсском, другая на катизском, третья на гидарском. Восемнадцать лет – словно один чудесный день. Подарки, наряды, развлечения. Папа с мамой не отказывали мне ни в чём, баловали и чересчур оберегали от реального мира. Я хорошо знала языки и древнюю историю, только оказалось, что этого слишком мало, Ирвин. Меня не подготовили к тому, с чем я столкнулась, и выжила я лишь чудом.

***

– Мэй, девочка, проснись! – раздался над ухом голос тёти.

– Ещё полчаса, – сонно протянула я, но она не унималась.

– Вставай, Мэй! Вставай!

Я открыла глаза. Спальню освещал фонарь в руке тёти – стеклянный шарик, внутри которого переливался знаменитый гитарский огонь. Эти светильники не требовали подпитки и никогда не гасли окончательно – достаточно было встряхнуть посильнее, и свет разгорался вновь. Стрелки часов на стене слились в одну вертикальную линию остриём вниз.

– Тётя, половина шестого! Зачем ты меня разбудила?

– Надо уезжать, Мэй, – синие глаза были непривычно суровы.

– Куда? – растерялась я.

– Подальше отсюда. – Тётя кинула на кровать мои тунику и лосины, распахнула шкаф, нагнулась, перебирая обувь. – Сначала в Дабрр, потом... потом решим. Здесь оставаться опасно.

– Ты что? – рассердилась я. – Какой Даорр? Сегодня приезжают Лайд и папа с мамой!

– Они не приедут, – тётя прятала лицо.

– Почему не приедут? Ты получила письмо?

– Не я, – она вытащила из шкафа ботинки и пальто. – С леттой Арилэйн только что связался сын, он живёт в столичном пригороде... жил. Огория в полночь открыла тоннель и перебросила войска к нашей столице, гитарские стихийники сожгли Лиорр... Да одевайся ж ты, Отрешённого ради!

К тунике я не притронулась.

– Что значит сожгли?

– Тебе не пять лет, Мэйлин. – Тётя выпрямилась. – Ты знаешь о силе гитарского огня. На месте нашей столицы теперь пустой город. Там не повреждён ни один камушек – и не единого живого существа на несколько часов пути вокруг. Мгновенная смерть. Нам в Куарре так не повезёт, нас захватят войска. Возможно, они уже близко. Мне не страшно, я прожила долгую хорошую жизнь, да и не польстится на меня никто. Другое дело ты.

Я никак не могла ухватить смысл тётиных слов. Гитарский огонь, мёртвый город, родители не приедут... И вдруг в груди словно лопнула сжатая пружина, которая разорвала внутренности нестерпимой болью.

– Тётя, они погибли?! Они все погибли?! Мама, папа, Лайд!

– Тихо! – маленькие сильные руки встряхнули меня. – После, Мэй. После всех оплачем. Сейчас на это нет времени. Одевайся, я заведу везиль. Если есть деньги, бери с собой, но больше ничего, поняла?

Кивнула, дрожащими руками натянула бельё, тунику, лосины, зашнуровала ботинки, застегнула пальто. Переложив в карман монеты, из ящика стола забрала мамин подарок на восемнадцатилетие – цепочку с подвеской в виде знака бесконечности, вписанного в треугольник, символ Отрешённого. Надела на шею, шепча молитву. Кровать заправлять не стала, спустилась вниз, в пристройку, где уже тарахтел, разогреваясь, везиль – ещё дядин, старенький, но надёжный и мощный. В двух огромных фонарях тоже бился гитарский огонь, беспощадный и равнодушный к тому, как и для чего его используют. Села на переднее сидение рядом с тётей. По щекам текли слёзы, которые не приносили облегчения. Мама, папа, Лайд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.